

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Андрей Чернецов
Владимир Лещенко

Звероликий

«ПРЫЛОВ»

Андрей Чернецов

Звероликий

«Автор»

2006

Чернецов А.

Звероликий / А. Чернецов — «Автор», 2006

Мир, где компьютеры мирно соседствуют с языческими храмами, а магия – с паровозами. Где сатиры трудятся кочегарами, гоблины – телохранителями, а домовые объединены в профсоюзы. Где патриции летают на персональных дирижаблях, а столица Римской империи находится в Александрии. Где одни молятся Юпитеру и Перуну, а другие ждут первого пришествия Христа. Где все так непохоже на нашу Землю и вместе с тем похоже. И вот над этим миром нависла опасность. Как и тысячу лет назад, появилась неведомая чуждая сила. Разобраться с ней предстоит не великим мудрецам и могущественным чародеям, а скромному частному сыщику Кристоферу Лайеру и его очаровательной помощнице Натали Курковой. Правда, сыщик этот не так уж прост, как могут подумать некоторые.

© Чернецов А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвертая	37
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Лещенко, Андрей Чернецов

Звероликий

*Ибо восстанут лжехристы и лжепророки
и дадут великие знамения и чудеса, чтобы
прельстить, если возможно, и избранных.*

Матфей, 24:24

ПРОЛОГ

«...Наука и магия...

Что можно сказать об их взаимодействии?

Было время, когда магия безраздельно правила миром, было время, когда наука ее потеснила.

Последние три века первенствовала наука.

И в самом деле, наука победила чуму и холеру, наука увеличила плодородие почвы, наука построила паровые корабли, связала мир сетью железных дорог, выковала воину новое оружие. Она перекинула через великие реки и озера мосты, о которых отцы наши не могли и помыслить; она покорила молнию, направив ее с небес на землю.

Как самый очевидный пример: наука, обуздав силу электричества, дала нам дешевые и простые источники света, против хотя и вечных, но дорогих световых кристаллов, известных с древних времен.

Но и магия не сдавала свои позиции.

Именно магии мы обязаны хоть какими-то успехами в управлении погодой – пусть и скромными. Магии все же принадлежит первенство в исцелении многих болезней, к которым наука еще даже не знает, как подступиться.

Наконец, именно магия (те самые ее разделы, каким мы обязаны выращиванию кристаллов холодного света) ныне создает кристаллы, на которых базируется мобильная связь и производство ординаторов – без которых уже немыслима современная цивилизация.

Как раз этот пример указывает нам на генеральное направление прогресса – сочетание древних знаний и умений с открытиями ученых, соединение науки и чародейства. Следуя этим путем, мы придем к золотому веку.

Да, хочу вам сказать, и это особо важно для тех, кто лишь начинает постигать истину, что магия и оккультизм – это две разные вещи и ни в коем случае не следует их смешивать.

Магия – наука, изучающая сверхъестественные явления, чей смысл скрыт до поры до времени Высшим Разумом от человека. Наука, помогающая установить скрытые закономерности и взаимосвязи между природой и человеком, выраженные в звездах, числах, энергетических полях. Ее носители – маги, волхвы, астрологи, оракулы, предсказатели, экстрасенсы, вешунны, гадалки, хироманты, ясновидящие, пророки и тому подобное.

Оккультизм – лженаука, изучающая связи человека с „духовными“ мирами – нечистыми духами, чертями, бесами, гулями и прочими. Оккультист по определению не может действовать во благо человека ни при каких обстоятельствах, потому что является лишь орудием сил тьмы. Ярчайший пример – все тот же Атаульф...

И то, что ныне оккультизм (от тибетского до европейского, с его темными знаниями и энергиями) поднимает голову – это очень опасно».

(Бальбилл Антоний. Популярная магия. – Афины: Изд-во «Минерва», 2755 г. от основания Рима.)

Серапис. Восточная окраина. Припортовые кварталы.

Тихая, мощенная старым камнем прибрежная улочка огласилась осторожными шагами.

Человек старался ступать неслышно, и все равно в ночной тишине городского захолустья его поступь отдавалась пощелкивающим эхом.

Но на пустой улице не было никого, кто бы мог это услышать.

Изъеденные временем каменные стены старых складов угрюмо смотрели во тьму очами наглухо запертых, словно бы уже не первый век, ворот.

И человек сейчас и здесь выглядел неуместно.

Он остановился передохнуть перед одним из сооружений – высоким, с глухими побеленными стенами и единственным освещенным окном под черепичной крышей.

Видимо, там сидела охрана этого пакгауза, сторожившая товар – тюки дешевого барахла из Народного Государства Чжунго или мешки зембабвийского кофе, а может, ящики запчастей к британским авто или русским комбайнам. Да, впрочем, какая разница?

Человек приник к стене, слился с нею, превратился в единое целое с тьмой, вдыхая влажный прохладный воздух средиземноморской зимы.

Сверху донесся гортанный смех, заставив беглеца встрепенуться. Темные тени на ярком пятне света, падающего из освещенного окна на улицу, неуклюже закопошились, начали срывать друг с друга одежду. Внезапно свет погас, окно с треском захлопнулось, и мгlistая тьма сомкнулась вокруг того места, где только что был освещенный пяточок булыжной мостовой.

Постояв, ночной бродяга двинулся дальше в путь. Цель была рядом, за следующим переулком.

Он таился, время от времени оглядываясь.

Хотя чего бояться в Сераписе? Возможно, уличных грабителей да, если ты не в ладах с законом – полиции.

Конечно, по ту сторону моря идет война, которая, как говорят, может перекинуться и в Тартесс, но пока что все это, хвала богам, напрямую не касается Сераписа, второго в этой части мира города по величине и богатству (а в Галлии так и подавно первого, куда там той Лютетии). Вот разве что *этот тип* имеет какое-то отношение к африканским делам... Ведь не далее как в прошлом месяце в порту был перехвачен – со стрельбой и трупами – груз оружия для мавританских мятежников.

Так бы подумал сторонний наблюдатель и не ошибся бы.

Но лишь отчасти.

Человек, что сейчас шел по припортовой улочке, действительно прибыл из Африки. Но всякие войны и смуты волновали его меньше всего.

Позади были сахарские пески и редкие оазисы, позади были те проклятые развалины и уж точно проклятые подземелья под ними, долгий путь в мертвом лабиринте под мертвыми песками...

И украденная с алтаря забытых богов вещь, за которую ему должны заплатить.

Вспомнив неприятное, прохожий быстро перекрестился – он ведь верил в Иисуса Распятого и отца его – Бога Всех Миров. Потому-то и согласился на это дело, пожалуй, самое опасное в его карьере грабителя древних могил. Ведь как сказал пресвитер, сие должно послужить торжеству Его. А вера человека была крепка, ибо Бог отцов давал ему, как он свято верил, защиту против демонических штучек, которыми язычники защищали покой своих мертвецов.

Правда, червячок сомнений все чаще кусал его сердце: можно ли силой демонов послужить Богу и угодна ли Господу заведомая ложь?

Да и этот субчик, что отирался при новом пресвитере общины, ему не нравился. Корней Луций Вер. Явно ведь маг и чернокнижник.

Прости Господи!

Симеон Клавдий Дивициак завернул за угол, прошел узкой щелью между складами. Тут уже пахло морем, вернее, гаванью: тиной, сточными водами, гнилыми водорослями.

Неизменный запах всех портов мира.

Дорогу он нашел бы и с завязанными глазами.

Чувствуя, как в сердце вновь забрезжила надежда, припустил по безлюдной улице, идущей вдоль реки. Пройдя вдоль стены с надписью «Товарищество Трималхион и сыновья» шагов двести, Дивициак подпрыгнул, ухватился за верхнюю кромку стены, подтянулся на руках, в два счета перемахнул на другую сторону и, повиснув на левой руке, спрыгнул вниз.

Пересекши пространство от стены до стены, он на ощупь нашел почти невидимую нишу. Это и был вход в нужное ему подземелье. Хотя со времен Сестер Спасительниц прошло уже почти полторы тысячи лет, сераписские катакомбы пользовались по-прежнему нехорошей славой. Но это если не знать, куда и как идти.

Симеон Клавдий скорчился в темной нише, превратившись в ожидание, в обостренный ужасом слух... Но слышал лишь глухие удары собственного сердца да шум крови в ушах.

Усталость все чаще подступала в последние дни, лишая тело былой силы.

Может быть, слишком долго находился в *том* месте, презрев злой рок, нависший над его бессмертной душой?

Или просто стареет?

Засветив крошечный фонарик – не вульгарный электрический, а египетский, с кристаллом, он двинулся вперед по старому проходу, который непосвященный принял бы за старый погреб или сток ливневой канализации.

Ему преградила путь гряда камней, упавших с низкого свода, и Дивициак, чертыхаясь и поминая Мерланиуса – Вельзевулова Сына, перебрался через нее.

Мимо с писком пробегали мелкие крысы. С негромким плеском они плюхались в воду. С потолка падали капли. Покрытые разводами селитры, стены искрились в свете вечной лампы.

И не сразу Симеон отыскал нужный тоннель.

Нехорошее чувство преследовало его, подозрения вновь ожили. Зачем пресвитер назначил ему встречу в этом подземелье? Расхититель гробниц отбросил дурные мысли и поспешил вперед по подземному ходу.

Под сводами из древнего камня, в коридоре, высота которого не превышала шести футов, ему приходилось идти, наклонив голову. Если бы навстречу ему кто-то попался, он бы при всем желании не сумел с ним разойтись.

Дивициак снова остановился и поскреб гладко выбритый подбородок, размышляя о предмете, лежавшем у него в сумке.

Интересно, что все-таки это за штука? Что внутри этого серебряного сосуда, черного от времени?

Будучи грабителем могил и святилищ, Симеон Клавдий не раз сталкивался с вещами таинственными и жуткими, но, пожалуй, никогда с чем-то по-настоящему опасным.

Но вот на это раз...

Если бы он только мог предполагать, с чем придется столкнуться ему во время экспедиции, то точно бы послал пресвитера подальше и сбежал.

На его скромный взгляд, *то* место принадлежало Дьяволу и Сатане, и честным христианам, да и вообще людям, Тьме не продавшимся, там делать было решительно нечего.

Но в начале операции Дивициаак ничего этого не знал, думая, что черные колдуны сгинувшей Сонгаи хранили в затерянном в барханах храме какие-то языческие сокровища.

И, как ему пообещал Луций Вер, Симеон сможет их забрать себе, лишь бы принес несколько вещей, что хранятся на алтаре в Тайной Комнате.

За них он получит пятьдесят тысяч ауру, сверх украденного.

Да, этот пес его, видать, обманул. Никаких сокровищ в том месте не имелось, да и в той самой тайной комнате находился только этот сосуд.

Дивициаак был так разозлен, что использовал Тайную Комнату по назначению, оставив там недвусмысленные следы своего пребывания, так что после его ухода какое-то время в этом храме будет пахнуть отнюдь не благовониями.

Пусть тамошние демоны покушают, если проголодаются...

Он опять перекрестился – то, что он увидел в том храме, кого угодно заставило бы дрожать от страха.

Эти фрески и барельефы, эти колодцы, забитые скелетами, наконец, та непонятная мерзость, что спалила все три его амулета, в свое время отразивших даже черное колдовство старшей жрицы Домбалы, которое способно охолоstitь не только мужчину, но и слона.

Но что же в этой бутылке?

Порошок ибн-Гази? Слезы дракона? Пресловутый Магистерий?

Ну, неважно.

Получив деньги, он бросит проклятое занятие, остепенится и купит себе небольшую, но уютную виллу с оливковыми деревьями и виноградом во дворе, мраморной лестницей и обязательно большим гаражом, чтобы туда влез даже легкий танк «Центурион», не говоря уже о самом большом лимузине.

Взор Дивициаака привык к темноте подземелья. Слабого света фонаря хватало, чтобы осветить путь.

Могильный вор прошел по подземному ходу уже около ста пятидесяти ярдов и знал, что скоро выйдет в подземелье. Потом он окажется у подножия каменной лестницы, которая окончится у открытых дубовых дверей. За ними будет высокий просторный зал, где каждый звук отдается гулким эхом – семиугольное помещение, стены которого еще хранят знаки креста.

Старая подземная церковь времен недоброй памяти августа Юлиана Богоборца.

Пройдя по гулким каменным плитам и поднявшись по ступеням, Симеон наконец подошел к двери и, навалившись плечом, открыл ее. Петли противно заскрипели. Визгливое эхо раскатилось под каменными сводами и замерло.

Он взгляделся в пыльную тьму оплетенного паутиной семиугольного зала.

Там его ждали.

Высокий мужчина в сером плаще до полу,двигающийся беззвучно, словно плывя, похожий на призрака или вурдалака из плохого фильма ужасов свейской студии «Готика», прогуливался по залу, будто у себя дома.

– Доминус Луций? – удивился Дивициаак. – А где отец пресвитер?..

– Преподобный Марк не смог прийти, но, я думаю, его присутствие не обязательно.

Грабитель могил унял нахлынувший страх.

В конце концов, колдун всего один, а на крайний случай у Симеона в кармане – девятизарядный ау-накский «Шочикецаль». Дрянь ствол, но с десяти шагов делает в человеке дырку будь здоров какую.

– Ты принес?

– Вот, – Симеон показал сосуд. – Это все.

– Это все? – Grimаса разочарования проступила на лице мага.

– Да. И золота там тоже, кстати, не было.

– Мне приходится поверить тебе на слово, – бросил Вер. – Надеюсь, у тебя хватило ума не загнать Браслет Кали или Ожерелье Онгуна какому-нибудь ливийскому шаману. Ладно, давай его сюда.

– Мои ауру, – сухо напомнил Дивициаак.

С презрительным равнодушием Корнелий вытащил из-за пазухи бесформенного плаща пачку пятисотенных банкнот.

– Ну что, в банк, надеюсь, проверять их не потащишь? Хотя постой... – Он вынул опять-таки из-за пазухи какой-то предмет. – Приложи-ка, друг мой, это к сосуду. Посмотрим, что ты мне принес.

– Извините, уважаемый Корнелий, но что-то опасюсь я к вам подходить.

– Ладно, лови...

Подобрав брошенный ему предмет – вырезанную из кости (уж неизвестно чьей) фигурку змеи, могильный вор прикоснулся ею к своей находке. И воздух вокруг чуть засветился.

– Отлично, – улыбнулся Вер. – Остается закончить это дело.

В то же мгновение позади Симеона возник крепкого сложения темнокожий мужчина в старом пятнистом мундире – обычной форме разнообразных африканских армий.

На висках Дивициаака сомкнулись стальные пальцы и без всяких усилий подняли его над полом. Жертва взвизгнула, предугадав свою участь. Здоровяк резко рванул голову несчастного вверх и влево, тело разорителя гробниц дернулось в конвульсиях и обмякло. Все было кончено.

Убийца брезгливо втянул воздух.

– Трус, обгадился перед смертью, – констатировал он. – Перед смертью надо не бояться, а веселиться, чтобы испортить радость врагу.

– Молодец, – похвалил его человек в сером плаще. – Позаботься о трупе. Но не как в прошлый раз – ты ведь помнишь, что тебе теперь можно *кушать*, а что нельзя. Я могу просто не успеть тебя спасти.

– Я помню, господин, не волнуйтесь.

Дануда Тагун Дада, бывший колдун и бывший зомби с Золотого Берега, возвращенный к жизни магией того, одно из имен которого звучало как Корнелий Луций Вер, легко, будто пустой мешок, взвалил мертвеца на плечо и унес куда-то в темноту.

Его хозяин поднялся по узкой, уходящей во мрак лестнице наверх.

Часть первая СВИДЕТЕЛЬСТВА

*Самое страшное, что может произойти с волшебником, –
уверовать в свое собственное волшебство.
Джордж Сорос*

Глава первая НАНИМАТЕЛЬ

До чертиков хотелось кофе.
Большую-пребольшую чашку.
И не горьковатой арабики, а мокко. Чтоб непременно с кислинкой. Да кардамону туда и чуточку корицы...

В общем, так, как это неподражаемо умеет делать Натали.

Умеет. Но вряд ли захочет.

Надулась, понимаешь ли.

А чего тут дуться, спрашивается? Разве он был не прав?

Всего-то и указал ей на непомерно большие траты. С такими расходами никаких гоноров не хватит. Даже самых высоких.

«И на чем прикажешь экономить?! – коброй взвилась его компаньон и по совместительству личная секретарша. – На газетах? На печенье? Или на твоём разлюбезном кофе?»

«При чем здесь кофе?» – вяло поинтересовался он, пожав плечами.

«А при том, что за один фунт „Кецалькоатля“ мы платим пятнадцать ауро! Пятнадцать! Да за такие деньжищи можно купить целых пять или даже шесть фунтов „Малаги“ – ровно столько, сколько ты выпиваешь за месяц!»

Надо же. Никогда не задумывался, что пьет так много кофе. На сотню монет.

Вообще-то, затеявая этот неприятный разговор, неизменно повторяющийся в конце каждого месяца, когда приходит пора платить по счетам, Крис имел в виду отнюдь не свою дурную привязанность к заморскому пойлу. В конце концов, кто здесь хозяин и старший партнер? А вот то, что Натали имеет обыкновение расплачиваться за свои обновления (отнюдь не редкие и не дешевые) его кредитной карточкой...

Вот и сейчас на ней премиленькое голубое платьице от Захеса ценой этак в три, а то и все четыре сотни ауро. Спору нет, оно очень идет к роскошным белокурым волосам девушки и выгодно подчеркивает прелести ее фигуры, но...

Что именно «но», Крис не успел для себя сформулировать, потому что Натали выскочила из кабинета, со всей дури грохнув дверью.

Вот уж и впрямь «русский характер».

Хотя Натали Куркова и родилась здесь, в Сераписе, но бунтарская кровь предков – эмигрантов из Руси – дает о себе знать и в третьем поколении. Не зря же ее дед, Василий Курков, чуть не взорвал императорскую карету.

Георгию Пятому тогда повезло. Запал отсырел.

Но повезло и несостоявшемуся цареубийце. Отделался лишь десятью годами каторги в Сибири, откуда через год благополучно бежал, добравшись сначала до империи Ниппон, а уже оттуда до Галлии, где Василий стал добропорядочным гражданином *Rex Romanum*.

Стоило ли менять шило на мыло, пару раз порывался спросить у него Крис, бывая на различных торжествах в доме у патриарха семейства Курковых, но суровый вид восьмидесятилетнего старца неизменно отбивал у парня охоту вести разговоры о различиях государственного устройства Руси и Содружества.

Да и вообще *то* дело уже быльем поросло. Георгий Шестой еще полвека назад амнистировал бунтаря, а Екатерина Третья даже пожаловала Куркову-старшему, уже депутату Сената *Rex Romanum*, орден Святого Вареникса.

Хотя дед Василий давно отошел от политики, передав парламентское кресло сыну, однако связи у маститого старца оставались еще те.

Сколько раз он отмазывал внучку и ее «полоумного шефа» от чрезмерного любопытства карающих органов – не перечесать.

А еще утрясал вопросы с представителями *противоположного* лагеря.

Да, в криминальном мире тоже хорошо знали до-минуса Куркова. Джентльменам удачи было известно, что он шутить не любит и придерживается весьма и весьма *радикальных* воззрений на проблему борьбы с организованной преступностью. Преступники – не особы царской крови. С ними можно и не церемониться. Благо, взрывная техника со времен его молодости претерпела значительные изменения. Запалы теперь редко подводят.

Натали пошла в деда. Такая же вспыльчивая и склонная к авантюрам. И столь же широкая и открытая для друзей.

Заявила семейству, что уходит на собственные хлеба, – и ушла.

Куда?

Да вот, в детективы. Расследовать преступления и ловить злодеев. Познакомилась с приличным парнем, которому нужно помочь наладить дело.

(Это с Крисом, то есть.)

Их частное сыскное агентство в нынешнем виде – в значительной мере заслуга девушки.

До появления два года назад в жизни Криса Натали он, можно сказать, перебивался с хлеба на воду.

Так чего, спрашивается, качать права, третируя свою «добрую музу»?

Надо попросить прощения.

Сейчас же.

Черт с ними, с этими презренными ауро. Разве не для того они и зарабатываются, чтобы их тратить? В частности, и на миленькие голубые платья, которые так к лицу стройным блондинкам.

Исполнившись благими намерениями, он уже привстал со своего кресла-вертушки, но тут дверь приоткрылась, и показался ослепительный бюст Натали.

– Христофор Бонифатьевич, к вам посетитель, – медоточиво пропела секретарша-компаньон.

– Зови, – вздохнул тяжело. Бюст скрылся.

Ну вот, дразнится. Значит, все еще дуется.

Когда девушка злилась, она всегда звала его в этой странной русской манере *по имени-отчеству*.

И угораздило же родителей наречь сына таким ископаемым имечком. Словно знали о том, какую именно карьеру выберет их чадушко в грядущем.

Покосился на висевший на стене образ святого мученика Христофора Кинокефала, покровителя их сыщицкой гильдии.

Такие стандартные изображения выдавались вместе с лицензией, служа чем-то вроде корпоративного герба. (Большинство его сородичей, равно как и сам Крис, были христианами.)

Дверь, так и не прикрытая зловредной девчонкой, распахнулась во всю ширь, впуская стройного нип-понца со смазливой, каким-то женским личиком, обрамленным длинными, темными, с синим отливом волосами. Сходство с дамским полом придавало и то, что физиономия пришельца была густо припудрена, глаза и брови подведены сурьмой, а на губах лежал толстый слой лиловой помады.

Шелестя полами широкого шелкового халата, гость проплыл к столу, за которым восседал хозяин конторы, и несколько раз церемонно, с достоинством поклонился, едва не задев Крису своим надетым на голову высоким клобуком.

Когда положенное количество поклонов исчерпалось, ниппонец выпрямился и выжидательно уставился на сыщика, словно это Крис явился к нему на прием, а не наоборот.

– Присаживайтесь, – пригласил парень, которому стало неловко под этим явно оценивающим взглядом.

Уголки губ гостя чуть дернулись, изображая улыбку. Он сел и все так же молча продолжал рассматривать своего визави.

– Вы не ксенофоб часом? – не выдержал Крис. – Тогда чего пришли именно ко мне? Знали же, с кем предстоит иметь дело!

– Разумеется, – раскрыл уста визитер. Голос у него был тихий и мелодичный. – Но, признаться, я впервые так брызко вижу представителем вашей... национальности, доминус Райер.

Ишь, вежливый. Как все ниппонцы. Другой бы сказал «расы», «племени» или вообще «вида».

Крис повертел головой туда-сюда, грозно щелкнул зубами.

– Теперь ваше любопытство удовлетворено?

– Извините, – вновь закланялся пришедший. – Извините меня, пожаруйста, есри я причинил вам борь ири неудобства.

– Ничего, – проворчал сыщик. – Я привык. На самом деле привыкнуть к *этому* было почти невозможно.

– Итак, я вас внимательно слушаю, доминус...

– Сай, – представился гость. – Сай Тояма.

– Доминус Сай, – кивнул Крис.

Дверь бесшумно приоткрылась и в проеме встала Натали. На сей раз во всей красе.

– Кофе? – осведомилась сухо и деловито. Лайер буквально расцвел и, не найдя слов, просто энергично затряс головой. Ниппонец тоже не отказался от угощения.

– С печеньем?

Сколько яду!

– Если можно.

– Разумеется! – фыркнула блондинистая девица и на пару минут скрылась, оставив дверь открытой.

Объявилась уже с подносом, на котором стояла вазочка с миндальным печеньем (любимый сорт Криси – и когда это успела прикупить?) и три дымящиеся чашки. Две поставила перед боссом и посетителем, а с третьей отошла к небольшому столику, стоявшему в углу. Уселась в мягкое кресло и приготовилась выполнять свои обязанности секретаря-стенографистки.

– Восхитительный кофе! – зашелся в восторге Сай Тояма.

Крис был с ним солидарен в оценке напитка. Натали, как всегда, была на высоте.

– Так чего же от нас ожидает доминус Трималхион? – промокнув губы салфеткой, ни с того ни с сего огорошил ниппонца вопросом Лайер.

Признаться, он ожидал другой реакции.

Полагал, что у Тоямы хоть рука дрогнет от неожиданности.

Однако Сай невозмутимо попивал кофе, продолжая загадочно улыбаться.

Залп вхолостую, констатировал сыщик. Один-ноль в пользу гостя.

И все равно Натали молодец. Как быстро вычислила, от кого явился посланец. Только заслышала по громкосвязи имя, сразу же сверилась со своей электронной картотекой и черкнула для Криса пару слов на салфетке. Чтобы шеф сориентировался, как себя вести.

Теперь уже Лайер с интересом разглядывал посетителя.

Сай Тояма – личный маг и ясновидец Кира Александра Трималхиона. Богатейшего человека в Сераписе. «Удельный вес» всех компаний набоба оценивался примерно в полмиллиарда ауру.

Занятно, занятно.

И что же понадобилось денежному мешку от их скромной компании? Или тоже прибрать к рукам хочет? Как он уже сделал это с доброй третью крупных и средних сераписских фирм.

Да нет, вряд ли. Не стал бы воротила тогда присылать *такого* гонца.

Крис сосредоточился и, прикрыв глаза веками, попробовал считать ауру ниппонца, все так же бесстрастно допивавшего кофе.

Странно.

Ничего не получалось.

Значит, Тояма и впрямь обладает Даром, а не шарлатанствует, подобно большей части людей его профессии.

Наконец Сай разделался с содержимым своей чашки и поставил ее на стол.

И тут Лайер с удовлетворением заметил, что лицо ниппонца буквально взмокло от пота. Даже пудра не помогла.

Все-таки Крис его достал. Один-один.

– Жарко тут у вас, однако, – слабым голосом простонал гость и достал из рукава своего халата веер.

Распахнув его, принялся делать расписанным бабочками куском шелка то плавные, то порывистые движения.

Красивая игрушка. И как искусно нарисованы мотыльки. Словно настоящие. Кажется, что они вот-вот вспорхнут с шелка и закружатся по кабинету.

Точно. Вон, одна уже взлетела и села прямо на люстру.

А вторая облюбовала для себя портрет августи Бе-реники Двенадцатой. Надо сказать, что от этого императрица Рах Романум только выиграла. Сбросила чуток спеси и мрачности со своего одутловатого старушечьего лица. Ишь как улыбается, разглядывая новый диковинный орден, украсивший ее мощную грудь.

– Еще кофе, Крис? – спросила августи голосом Натали.

– Не откажусь, божественная, – расплылся в глупой улыбке сыщик.

– Ты еще отсалютуй и гимн затяни, – фыркнула секретарша.

Секретарша? А где же...

Лайер растерянно заморгал и тут же поймал на себе удовлетворенный взгляд ниппонца.

Так это он фокусничает?! Вот же гад, вот... Два-один.

– Спасибо за угощение, – вставая с места, закивал клобуком Тояма. – Рад быр с вами познакомиться, Кариса-сан. И с вами, домина Натари.

Как?! И это все?!

Лицо Курковой-младшей вытянулось. Да и сам Крис еле сдерживал разочарование.

Однако проводил уважаемого гостя до самых дверей в приемную.

– Да! – вдруг спохватился ниппонец, уже взявшийся за бронзовую ручку. – У меня же к вам поручение. Вернее, приглашение от моего нанимателя.

Не откажешь жителям Страны солнечного корня в умении хранить собственное достоинство. Как ловко обозначил свои отношения с Трималхионом. Не «хозяин», а «наниматель».

– Доминус Тримархион просит вас, Кариса-сан... – ясновидец с поклоном протянул сыщику конверт, извлеченный все из того же рукава халата.

Натали сделала стойку.

– ...И вас, пререстнейшая домина... – Еще более вежливый поклон в сторону девушки.

Блондинка расслабилась и величественно вздернула подбородок.

– ...Провести уикенд в его загородном имении. Он надеется, что вы не откажете.

Еще бы, подумал Крис, в благодарном жесте прикладывая руку к сердцу.

Второй мыслью было – в приличном ли состоянии его выходной смокинг, который на последнем приеме в мэрии был почти безнадежно испорчен Натали, приревновавшей шефа к какой-то заезжей брюнетке-супермодели и «совершенно случайно» опрокинувшей на него бокал красного.

– Форма одежды свободная, – как бы прочитав мысли Лайера, уточнил ниппонец.

– Ну что, работаем? – для порядка поинтересовался Крис, после того как Тояма покинул офис.

– Как прикажете, босс, – шутливо вытянулась по стойке смирно девушка.

– Тогда как обычно: все материалы, которые накопаешь в сети, ко мне на стол. И побыстрее.

– Слушаюсь! – отдала честь блондинка, повернулась кругом и строевым шагом направилась в приемную.

– И... вот еще что... Ты извини меня за ту выволочку... Я был не прав...

– Проехали! – не сбиваясь с чеканного марша, парировала боевая подруга.

Однако голосок зеленоглазки звенел торжеством.

– Так, почтеннейшие, – напустил на себя как можно более суровый вид сыщик. – Как прикажете понимать?

Угрюмая тишина была ему ответом.

– А еще защитниками дома считаетесь, – продолжал распекать Крис. – Не могли мне глаза отвести, что ли?

Тихонький горестный вздох, за ним второй.

Из-за книжного шкафа высунулись печальные мордочки ларов. Две крохотные, в пол-л-октя фигурки пристыженно топтались на месте.

– Помощнички хреновы, – буркнул Лайер, но больше для порядка.

Домовята были не виноваты. Просто сильный оппонент попался. Им с таким не справиться.

– Возьмите пробы остаточной ауры, – распорядился уже обычным деловым тоном. – Мне нужен спектральный анализ.

– Но... – заикнулся один из близнецов.

– Да понимаю я, что ничего конкретного не обнаружим. Но хотя бы пробу на враждебность.

– Постараемся, – оттер первого второй.

Пареньки приволокли из своих апартаментов такой же крохотный, как и они сами, сак-воyajик, откуда извлекли пару-тройку пробирок и колбочек.

Взобравшись на стул, где за несколько минут до этого сидел напудренный ниппонец, лары принялись проделывать забавные манипуляции, размахивая в воздухе ручонками. Со стороны могло показаться, что они ловят бабочек.

Покончив с физкультурой, домовята убрались восвояси. Работать, что называется, «по горячим следам».

Тем временем Натали принесла папку с распечаткой ординаторных файлов и компакт-диск с данными, нарытыми ею на Трималхиона.

Кристофер Лайер углубился в изучение материалов.

Родословная Кира Александра Трималхиона уходила корнями в глубокую древность.

Основателем славного рода был Биберий Трималхион, один из героев войны против Атаульфа Клавдия Безумного, полторы тысячи лет тому назад решившего создать «Великую Аллеманию», которая должна была сменить «одряхлевшую будто бы и прогнившую до печенок Империю».

(Понятное дело, планы полоумного проконсула так и остались бредовыми затеями. Аллемания таки стала великой державой, входящей в Большую девятку крупнейших стран Геба, но произошло это совсем недавно, не прошло еще и ста лет. «Дряхлая и прогнившая» Империя тоже благополучно здравствует, преобразовавшись в Содружество *Pax Romanum*. Но речь не о том.)

Во времена той далекой, кровавой и бессмысленной войны именно Серапису суждено было стать для Атаульфа камнем преткновения. И не последнюю роль в этом сыграл Биберий Трималхион, предложивший отцам города привлечь на свою сторону отряды наемников и создать из них Сераписский вольный легион. Сам он возглавил это пестрое воинство.

В тридцати милях от города, в безымянной дотоле, а ныне известной далеко за пределами Сераписа Долине костей и произошла ставшая знаменитой Трехдневная битва. Там полегло пять шестых всего наемного войска, не отступив и не пропустив врага к воротам чужого, в общем-то, города. Эта битва стала началом конца и самого Атаульфа, и его скороспелого Аллеманского королевства. Как потом написали хронисты, собственно в Долине костей был развеян миф о непобедимости аллеманов. Именно с той битвы и началось падение их державы.

Биберию Трималхиону, чудом уцелевшему в той кровавой сече, тогдашний август Птолемей Сорок Третий даровал патрицианское достоинство и высокий чин легата. Кроме того, ему досталась десятая часть всех военных трофеев, захваченных после панического бегства Аллеманских войск. Тогда-то и было заложено золотое основание дома Трималхионов, ибо добра на полях сражений собрали немало.

Неизменно умножавшееся благосостояние рода чуть было не развеялось в одночасье уже спустя каких-то полвека. Тогда, во времена Сестер Спасительниц, не побоявшихся бросить вызов самому проконсулу Британии Арторию Пендрагону и его придворному магу Мерланиусу Скитальцу, племянник Биберия, банкир Публий Трималхион, сделал неверный выбор. Ну кто мог предположить, что какие-то две близняшки, неизвестно какого рода-племени, сумеют одолеть *такого* противника! Тем не менее Орланд-да и Орландина возвратились в родной город с победой и во славе. А бедняге Публию пришлось расстаться с доброй половиной состояния, чтобы доказать свою лояльность новому августу, юному Птолемею Сорок Пятому Кару – другу и покровителю отважных сестер.

Но дивно складываются судьбы людские. Уже внук Публия, Луций Трималхион, женился на внучке Орландины, Клевии. Союз двух знатных семейств города еще более упрочил положение Трималхионов.

Отпрыски древнего рода неизменно стояли у кормила власти в Сераписе, а иногда и в стране. Они становились то членами магистрата, то прокураторами. Один или два раза – даже наместниками провинции. Со времени же реформ, проведенных сто лет назад Птолемеем Семьдесят Пятым, Трималхионы постоянно избирались в Сенат.

Кстати, Кир Александр тоже имел там свое депутатское кресло.

Стоп! А не здесь ли собака зарыта?

Может быть, это дед Василий по старому знакомству сосватал внучке и ее партнеру выгодного клиента?

Но зачем Трималхиону мог понадобиться частный сыск? Что у него, своих ищеек мало?

Просмотр и анализ материалов, относящихся к финансовой деятельности Кира Александра (разумеется, открытых), на первый взгляд ничего не дал. Да и, если честно, не силен

Крис во всей этой денежной премудрости. Еврооблигации, акции, займы, фьючерсы и бартеры – от всего этого хотелось тоскливо завывать на луну. Благо, полнолуние в самом разгаре.

Обычно к услугам кинокефалов обращаются, когда речь заходит о чем-то, связанном с потусторонним вмешательством, а не просто чтобы отыскать украденный автомобиль или проследить за неверной женой (мужем).

Не случайно же в их офис явился маг и ясновидец. Явно хотел прощупать, насколько Крис силен. А он вот как облажался. Чуть не принял свою секретаршу за императрицу Беренику. Что там теперь этот Тояма распишет в своем отчете?

Того и гляди, с минуты на минуту раздастся звонок, и некто от имени доминуса Трималхиона с сожалением сообщит о произошедшей ошибке и отмене сегодняшнего приглашения.

Единственное, что хоть косвенно могло относиться к их роду деятельности, – это то обстоятельство, что неделю назад погиб в автокатастрофе старший сын и наследник империи Кира Александра, Дарий Констанций. Правда, полиция уже закрыла это дело, не найдя состава преступления. Машина Трималхиона-младшего, по заключению экспертов, была на момент аварии в полной исправности, он сам не находился под воздействием алкоголя или наркотиков и вообще был абсолютно здоров. Во всем виновато мокрое утреннее шоссе.

Но всякое бывает. А вдруг на юношу была наведена сильная порча? Или какой-нибудь злой дух вселился в мотор? А то и некое неуспокоенное привидение разошлось, обозлившись из-за вздорного пустяка на бедолагу или его папашу?

Лайер сильно сомневался, что полицейские ищейки проводили на месте катастрофы экспертизу остаточной ауры. А теперь, спустя столько времени, это уже ничего не даст. Флюиды бывают стабильными не больше трех-четырех часов.

Между прочим, не мешало бы кое-кому и поторопиться с результатами анализов.

Ага, уже готово. Ну, молодцы ребята.

Что там написано в заключении?

«Признаков враждебности в изученных пробах не обнаружено».

И то хорошо. Уже легче. Значит, ушел от них Сай Тояма не с тяжелым сердцем.

– Крис, – влетела в кабинет Натали. – Как на твой вкус, идет мне это тряпье?

Сыщик оторвал глаза от бумаг и уставился на блондинку.

Хорошенькое «тряпье»! Вечернее платье все от того же Захеса. Домина Куркова не изменяет любимому маэстро.

– И когда ты только успела? – покачал головой Лайер, прикидывая, сколько сотен ауры списано со счета компании на этот раз.

– Великое дело – Орбирет! – выпятила роскошный бюст компаньонша. – Кстати, и тебе не мешало бы переодеться. Я уже заказала соответствующий случаю костюмчик.

Крис зловеще зарычал.

Костюмчик! Это уже переходило всяческие границы.

– Не злись, сквалыга. Платье и костюм я взяла напрокат...

Босс немного расслабился.

– ...С условием, что мы сможем оставить вещи себе, если они нам понравятся! Само собой, с доплатой.

– Никто не звонил оттуда?

– С чего бы? – удивилась девушка.

– Мало ли...

– Не выдумывай! Пора собираться.

Когда Крис, переодевшись, вышел в приемную, то глазам его предстала картинка, словно сошедшая с карикатуры на тему современных деловых женщин.

Облаченная в роскошное платье Натали одновременно заканчивала пудриться, что-то изучала на экранчике своего ординатора и при этом еще смотрела визор, уставившись в его круглый, как иллюминатор, экран с неподдельным интересом.

Шли городские новости – репортаж с сераписских верфей Белла Агенобарба.

– Итак, сегодня мы присутствуем при спуске на воду корабля, что прославит наш город, – вещал молодой холеный диктор. – Пассажирский лайнер, получивший имя «Титаник», вот-вот окажется на плаву... Надо ли говорить, что «Титаник» вполне достоин своего высокого имени? Это самый большой лайнер за всю историю парового судоходства. Водоизмещение – семьдесят тысяч римских тонн. Количество палуб – восемь! Длина – девятьсот футов. Ширина – сто! Апартаменты в стиле ампир. Новшество в сравнении с прочими лайнерами – роскошные каюты для самых взыскательных пассажиров, носящие собственные имена. «Клеопатра», «Таис», «Аспазия», «Мессалина»... Рестораны, курительные комнаты, музыкальные салоны... Изысканная роскошь и модерн!.. Навигационные приборы полностью исключают всякую возможность кораблекрушения. В дополнение к обычным радарам на «Титанике» будет установлен новейший магический навигационный комплекс с ординатором нового поколения. Кроме того, в качестве талисмана корабль будет охранять мумия великого жреца Имерама. Саркофаг с мумией установят в специальном помещении у капитанской рубки... Лайнер рассчитан на полторы тысячи пассажиров и семь сотен членов экипажа...

– Выключай ящик и закругляйся! – распорядился сыщик. – Как видишь, я уже готов.

Со вздохом гася экран, Натали встала.

– Вот, не дал посмотреть на Рекса Арбитра. А он такая душка! Я от него без ума. И вообще, знаешь, что-то у меня настроение пропало туда идти...

– При чем здесь настроение! – строго отчитал ее Кристофер. – Настроение нужно, чтобы свиней пасти, играть на арфе или... заниматься любовью. А мы работаем – деньги зарабатываем.

Надувшись, девушка захлопнула крышку карманного, похожего на тарелку ординатора и сунула его в сумочку.

До места обитания магната добирались три четверти часа – допотопный «кентавр» Криса то и дело глох, и сыщику раз за разом приходилось крутить ручку, чтоб таратайка сдвинулась с места.

Недовольная Натали даже начала ворчать, что Киру Александру недурно было бы приехать на машине с шофером, раз они ему так нужны. И вообще, уже давно пора обзавестись более приличным средством передвижения.

Но так или иначе они уже стояли перед обиталищем одного из богатейших людей города.

Огромный участок земли, обнесенный солидной каменной оградой, сверху усаженной осколками стекла, вмурованными в цемент, – видать, не признавал набоб всех этих новомодных штук вроде чугунных решеток и колючей проволоки.

Эта вилла принадлежала фамилии Трималхионов уже больше тысячи лет – несмотря на все войны, смуты, пожары, мятежи и прочие стихийные бедствия. Всякий раз новый представитель этого семейства поселялся тут, восстанавливал разрушенное, и через год-другой дом наполнялся жизнью. Трималхионы были такой же неотъемлемой частью Сераписа, как храм одноименного божества или статуя Астерикса и Обеликса. Немного найдется семейств в Империи, что смогут проследить родословную свою даже в половину меньшей чреде поколений.

Конечно, не так уж много камней осталось от той, первой виллы в стенах дворца магната, и даже камни фундамента были переложены не по одному разу.

Но алтарь остался тем же самым, и говорят, что лар-домовой Трималхионов достиг величины неимоверной для своего племени – с человека ростом. И ежедневно употребляет по кувшину вина, кувшину молока и кувшину оливкового масла.

(Крис не очень в это верил – даже лар александрийского императорского дворца, которого он лицезрел лично, был не больше мартышки, а годков ему было ой как много.)

Привратники, видимо, предупрежденные заранее, распахнули ворота, не преминув окинуть гостей внимательным взором.

Первый – немолодой, грузный, с повадками отставного борца – лишь равнодушно скользнул взглядом по сыщику, мол, и не таких видали. Куда больше внимания уделил он спутнице Криса. Зато его молодой напарник – ибериец лет двадцати – только что не шарахнулся от гостя. Тот не обиделся, тем более, судя по всему, парень был чистой деревенщиной.

Но оставить без внимания проявление ксенофобии не мог.

– Я не кусаюсь, молодой человек, – оскалился Лайер в добродушной улыбке. – Разве что в крайних случаях...

– Автомобиль поставьте здесь! – огрызнулся юноша, указывая на площадку справа от въезда.

Сыщик пожал плечами (вообще-то, можно было определить его колымагу в гараж да поковыряться в моторе, помыть, отполировать...), но перечить не стал. Что соваться со своим уставом в чужой храм.

Приткнув «кентавра», они направились через парк по извилистой, присыпанной светлым гравием дорожке.

А потом вдруг из-за деревьев появились пятеро человек в черных масках.

– Добрый день, почтенные, – как ни в чем не бывало бросил Крис, хотя заgrimком уже почувствовал недоброе.

Ему никто не ответил, а люди в черном начали сближаться с гостями.

И сыщик понял – придется драться, и драться всерьез.

Как и почти все представители его народа, Кристофер не предавал спорту значения, считая его развлечением молодых безмозглых *людей*.

Его работа не так часто требовала физического насилия. Он, в конце концов, не полицейский в квартале портовых кабаков, а частный сыщик, специализирующийся на преступлениях, связанных с потусторонними силами!

На крайний случай в его сейфе лежало два ствола – свейский «тор», револьвер в одну вторую дюйма калибра, и четырнадцатизарядный «шива», подаренный ему одним вендийским раджей.

(Был еще автомат арабского производства непонятной марки, отобранный им у телохранителя некоего зловредного черного мага, но тот конфисковали в прошлом году пронюхавшие о незаконном оружии полицейские.)

Однако с какой радости ему брать любой из этих предметов на прием к солидному человеку, без пяти минут сенатору?

Он поглядел на Натали – у той была одно время привычка таскать дамский пистолетик в сумочке. Но девушка лишь обреченно помотала головой.

Что ж, щелкнул зубами сыщик. Парни, кажется, видят в нем покорную жертву? Тогда они, видимо, не сталкивались с кинокефалами. А его народ хотя и миролюбив, но знает одну великую истину – когда наступает соответствующий момент, надо превратиться в волка. И рвать! Рвать!! Рвать!!!

Но, черт возьми, что все это значит? Зачем магнату расправляться с ними: ведь они, в этом Крис мог поклясться чем угодно, никогда не пересекали его пути?

Дальше размышлять времени не было – люди в масках перешли к активным действиям.

Первый, подошедший сзади, попытался схватить сыщика за шиворот. Крис только этого и ждал. Развернувшись, он отбил тяжелую руку и нанес несколько точных ударов по лицу,

животу и половым органам. В следующую же секунду Лайер боднул другого противника в нос с такой силой, что даже сам отлетел назад к кустам.

Тот пошатнулся, потерял баланс и, запнувшись о тело скорчившегося товарища, держащегося за низ живота, рухнул. А Крис бросился в ноги третьему, рванул на себя, толкнув головой в живот. «Ниндзя» упал на спину, треснувшись затылком о дерево, и затих.

«Сотрясение, не больше, – подумал сыщик, – даст Бог – очухается».

Тем временем один из оставшихся, кривоногий крепыш, попытался зайти слева на Натали, прижавшуюся к дереву, пока его приятель подбирался справа.

Они атаковали одновременно и стремительно с двух сторон.

Девушка держалась минуты две-три, по-кошачьи отбиваясь ногами и руками, а потом неожиданно прыгнула вверх и вперед, развернувшись в полете и ударив обоим насильникам по ногам.

Кривоногий споткнулся первым, но не упал, удержавшись рукой за оливу. И в тот же момент второй врубился ему головой в живот.

Первый завыл, как волк, и чуть не бросился на соратника.

Этим их замешательством Натали и воспользовалась. Она, истошно визжа, налетела на крепыша и ударила сведенными руками по шее, ниже уха. Одновременно пинком придала ускорение его поднимающемуся товарищу, и тот протаранил головой ствол столетнего кипариса.

Крис двинулся было к Натали, но тут из-за кустов вылетел еще один боец – судя по гибкой фигуре и вполне девчачьему визгу – слабого пола.

Бешеная девка налетела на Лайера, как вихрь, колотя сыщика куда попало, причем очень больно и технично. Чувствовалась хорошая школа.

Крис отмахивался, но ударить ее никак не получалось.

Она падала, вскакивала и снова бросалась в атаку, как дикая кошка.

– Дай ему, Лу! – завопил держащийся за живот «ниндзя», давась залепившей рот маской. – Оторви яйца уроду серому!

На помощь Крису пришла Натали. Налетев на взбесившуюся фурию сзади, она рывком повалила ее навзничь, ловко заблокировала конечности, сорвала маску, под которой оказалось на удивление вполне европейское личико с копной коротко стриженных белых волос, и принялась деловито душить. Та жалобно запищала.

Сыщик мысленно пожелал агрессивной девице легкого пути в царство мертвых.

Как гласит наука психология: «Проявление агрессии у женщин не табуировано». Проще говоря, если уж женщина начала кого-то убивать, она, в подавляющем числе случаев, доведет начатое до конца. И никакие мольбы о пощаде ее не остановят.

В другой ситуации Крис оттащил бы не на шутку разозлившуюся помощницу от жертвы, но не было возможности – некоторые из повергнутых бойцов уже начали приходить в себя.

– Хватит! – вдруг прозвучал голос, усиленный громкоговорителем. – Достаточно! Они прошли проверку! Уважаемый доминус Лайер, скажите вашей очаровательной спутнице, чтобы оставила Сабину в покое.

Сыщик двинулся к секретарше, но та уже отпустила начавшую синеть жертву.

– Что все это значит? – обратился он к взявшемуся ниоткуда Тояме, облаченному все в тот же широкополый халат и несурзанный клобук.

– Мой наниматерь вам все объяснит, – прошелестел ниппонец. – Пожаруйста, пойдёмте в дом.

Пока они поднимались по высоким, идеально отполированным ступенькам виллы, Крис представлял, как они с Курковой выглядят со стороны. Грязные, растрепанные. Натали в рваном платье, и он в костюме, в котором Лайер и без того выглядел весьма нелепо.

Роскошный мраморный холл. Портье, надменный, как китайский богдыхан.

И сам хозяин на лестнице.

Трималхиона Крис видел лишь в новостях и на снимках и поэтому внимательно изучал устроившего им такую встречу хозяина.

Перед ними стоял высокий, крупный белокурый мужчина атлетического сложения, с лицом, подобным римскому бюсту времен Цезаря, одетый в тунику самых модных расцветок, безупречные брюки и туфли с пряжками, украшенными крупными стразами.

– А вы знаете, сколько стоит это платье?! – взвыла Натали, тыча пальчиком в лохмотья, всего полчаса назад бывшие шикарным одеянием. – На... вас с вашей проверкой!!

– Десять тысяч ауро компенсации морального ущерба на двоих плюс возмещение расходов вас устроит? – с легким равнодушием в голосе бросил магнат.

Натали запнулась, выдав невольную радость блеском глаз.

Крис вспомнил, что как раз пяти тысяч не хватало Натали до заветной мечты – покупки небольшой, но роскошной яхты красного дерева, которую продавала одна ее приятельница, покидавшая Серапис в связи с очередным замужеством.

– В таком случае, пройдемте, – сделал небрежный жест рукой Кир Александр.

Он принял их не в личном кабинете, а в небольшой гостиной, обставленной в новоегипетском стиле.

Столики черного дерева, красные и синие узоры, вычурные фрески...

– Еще раз прошу извинить меня за эту, может быть, чрезмерно грубую проверку, домина Куркова, доминус Лайер, – поочередно поклонился он девушке и ее спутнику. – Я хотел получше рассмотреть вас в деле. А то Сай так расхвалил ваши способности, Кристофер... Не возражаете против такой фамильярности?..

Сыщик склонил голову.

– Да, мой маг до небес превознес ваши *особые* возможности, и мне захотелось поглядеть, каковы вы в обычной рукопашной схватке.

– И как? – поинтересовался Крис.

– Нужно будет уволить моих идиотов к чертовой матери! И взять парочку кинокефалов.

– Мы не работаем телохранителями, – развел руками Лайер.

– Да знаю, знаю! – досадливо отмахнулся Кир Александр. – У всех свои принципы, понимаешь!

Выразительно хмыкнув, он продолжил:

– Через полчаса, если не возражаете, мы отужинаем...

Заслышав об угощении, заскучавшая было Натали оживилась.

– А пока скажите мне, известно ли вам что-нибудь о некоем человеке, именующем себя Учителем Истины?..

Глава вторая

ЗНАМЕНИЯ (Интерлюдия 1)

Телефонный звонок раздался, как всегда, некстати.

Гай Теренций только-только развернул заветную скатерть-самобранку, разложив на ней знатный харч, собранный ему в ночную смену заботливой супругой.

Почему заботливой?

Так ведь оно по снеди-то видно.

Другая побросала бы в баул что попало. Бери, мол, что дают, и не вороти нос.

Нет, его Клавдия не такая. Зря что ль они двадцать лет душа в душу живут? Знает женка все слабости муженька.

Вот, например, курочка. Не просто зажаренная в духовке, а по специальному рецепту. Надо птицу, перед тем как в печь совать, предварительно обмазать медом. Тогда корочка замечательная получается. Коричневая, ароматная. А в печеной курице что главное? То-то, вестимо, корочка.

Ну, понятное дело, к такому объедению положены соленья всякие. Оливочки, огурчики маринованные, можно помидорчик (только, упаси боги, не бочковой, а баночный, чтоб соли поменьше, а то остеохондроз замучил, спасу нет). Сырку тоже неплохо. Такого, как Гай Теренций любит, с плесенкой (врачи тоже не велели употреблять, да что с душой сделаешь, коли требует?).

А еще можно картошечку испечь. Вот прямо здесь, в муфельной печи.

Опять же, Клавдия специально к куренку сварила хинской лапши. Раздобыла где-то пачку, привезенную прямо из Чжунго. Не местного производства, что изготавливают хинцы на заводах Трималхиона, а натурально шанхайскую, самую лучшую. По пол-ауро за фунт.

А чего сквалыжничать, спрашивается? Он неплохо зарабатывает здесь, на ТЭЦ. Три сотни ауро в месяц! Вполне хватает, чтоб жить безбедно, да еще и детям помогать. Оно, правда, если бы Клавдия в булочной не работала, так и туговато пришлось бы. А так ее семьдесят монет вполне даже к месту.

Он как раз добрался до самого главного, до бутылочки, а вернее, до двух светлого пива (хотя, знамо дело, под этакую закусь сам Бахус велел пару рюмашечек граппы пропустить, но Гай Теренций на работе крепкого – ни-ни).

Вот тут и позвонили.

– Кто там, на проводе? – раздался на той стороне знакомый голос мастера смены.

– Я, доминус Регеций, – пискнул в ответ, чувствуя, что душа уходит в пятки.

На его памяти такие звонки случались трижды или четырежды. И всегда перед какой-нибудь пакостью, вроде пожара или наводнения.

– Ты что ль, Теренций? – обрадовался мастер. – А что с голосом? Уж не спал ли?

– Что вы, доминус! – обиделся Гай. – Ни в одном глазу! Просто в горле пересохло.

– Знаю я вас... – сурово ответил начальник. – Смотри, не промывай, чем не положено!

– Да клянусь Сераписом...

– Ну-ну, не клянись понапрасну, – наставил Регеций, христианин по вере. – Тут такое дело, Гай. Я, знаешь, даже сначала не поверил... И сейчас не верю, – добавил он, сделав короткую паузу, – Но проверить надо.

– Да что такое, Ксаверий?! – не на шутку всполошился механик, забывшись, что мастер уже давно не работает его сменщиком.

– Только что мне позвонил сам Октопус Агенобарб...

Регеций сделал паузу, чтобы Гай проникся важностью того, что обычному работнику среди ночи звонит сам директор Сераписской ТЭЦ.

– ...И сказал, что получено сообщение. Некто, назвавшийся Учителем, сообщил, что в главном котле имеются какие-то неполадки, чуть ли не трещина, которая грозит серьезной аварией. Весь город может остаться без тепла и света.

– Сажать за такие сигналы надобно! – возмутился Теренций. – Не иначе ребятня балуется, раз учителя поминают. Какая трещина, Ксаверий?! Только месяц минул, как новый котел смонтировали. Три приемочных комиссии работали. Из Аллемании, от «Сименса» инженеры налаживать приезжали!

– Да я то же самое Октопусу сказал. А он уперся, что тот осел. Проверь, и баста. Чуть ли не самому мчаться на электроцентраль надобно! Умник! Так что давай, мухой туда-сюда. Проверишь и мне перезвони. Но не мешкай. Мы уже спим.

– Слушаюсь! – буркнул механик, со злостью кладя трубку. – Чтоб вам обоим пусто было! С унынием посмотрел на стол.

Курица и лапша уже наверняка остыли. Придется разогревать в этой сатировой машинке – электропечке. А он этого не любит. Ну, не лежит душа. Непривычная техника, непонятно как работает. Ох, уж этот выдумщик «Сименс». Знал бы себе, делал паровые котлы для станций. Серьезное производство. Турбины всякие, дирижабли... А то вон игрушками всякими балуется. Несolidно!

Прогулка по цеху привела Гая Теренция в прежнее добродушно-умиротворенное настроение.

Вот ведь какая штука – РЕКОНСТРУКЦИЯ!

Еще полгода назад здесь страшно было ходить. Кругом грязь, копоть. Давно устаревшее оборудование. Главный котел, хоть и от того же «Сименса», но помнил еще Первую мировую!

Все круто изменилось, когда ТЭЦ поменяла хозяина.

Кир Александр Трималхион уже давненько присматривался к их хозяйству, но все как-то руки не доходили до энергетического сердца города. Магнат все больше привык заниматься другими сферами экономики. Финансы там, строительство, инвестиции в пищевую промышленность. Вон, даже открыл в Сераписе филиал знаменитого на весь мир британского чайного концерна «Пендрагон». А каких кур выращивают у него на фабрике «Ваша Пеструшка»!

И вот до электричества добрался.

Под прошлый Новый год, аккуратно на календы, решил сделать себе «подарочек».

Прежний владелец, левантиец Авессалом Левит, было заартачился, не хотел продавать выгодное, хоть и требующее ремонта и обновления предприятие.

Но Трималхион всегда умел находить общий язык с конкурентами.

Как говорили, показал он прежнему хозяину папочку со всякими бумажками – вексель фальшивые, письма заемные, пару признаний чиновников средней руки в получении от почтенного Левита взятка...

В общем, сделка состоялась.

Новый хозяин прибыл вступать во владение собственностью не так, как нормальные люди: днем, со свитой, честь по чести.

Нет, явился среди ночи один, без охраны.

Дело было как раз в дежурство Ксаверия. (Поправде говоря, смена была Гая, но у него как раз внук родился, и старый приятель согласился его подменить.)

Механик поначалу не признал высокое начальство и не хотел пускать кого попало. Ночной гость предложил приличное вознаграждение за экскурсию по электростанции. Ксаверий посмотрел на пачку ассигнаций с портретами августы Береники, почесал в лысом темечке и

смекнул, что здесь что-то не так. А еще через минуту таки признал одного из отцов города и с перепугу попер на него дуриком чуть ли не матом.

Странно, однако Киру Александру такая рьяность пришлась по душе. Он спрятал деньги и, дружески похлопав Регеция по плечу, предъявил оформленные по всем правилам документы на владение электроцентралью.

Тут уж ночной страж «смягчился» и показал Трималхиону все без утайки.

Конечно, времечко для смотрин магнат выбрал, что надо. Тут и «старожила» ночью стараются как можно меньше разгуливать по цехам, а новому-то человеку с непривычки... Нарвался, понятное дело, на сатиров-кочегаров, шуровавших изо всех сил у топок... До смерти, конечно, не перепугался чумазных да рогатых истопников, но струхнул порядочно. Хорошо хоть у Ксаверия в сейфе оказалась припасенная к Новому году бутылочка виски «Хелависа». Настоящего, эйринского, двенадцатилетней выдержки. Отпоил будущего кормильца.

На следующее утро доминус Трималхион уволил все прежнее руководство объекта и затеял эту самую *реконструкцию*.

Хотел под горячую руку турнуть с ТЭЦ и сатиров, но профсоюз древних народцев встал на дыбы и потребовал прекратить преследования по расово-видовому признаку. Дескать, нарушаете, доминус хороший, эдикт Птолемея Кара Благословенного «О равенстве рас и народов»!

Кир Александр быстренько пошел на попятную. Еще обвинений в ксенофобии ему не хватало накануне выборов в галльский сенат.

Галлы – это вам не аллеманы какие: от тех даже ихние собственные ундины сбежали.

Но и тут повернул все по-своему, как всегда, с выдумкой да хитринкой. Поставил новое оборудование, и количество сатиров в ночных сменах сократилось чуть ли не втрое. Профсоюз попробовал поерепениться, но формально придрасться было не к чему. Кто ж заставит хозяина предприятия (если он, разумеется, не социалист из Чжунго) кормить бездельников?

Кстати, своего ночного собутыльника Кир Александр тоже не забыл. Повысил его в должности с соответствующим увеличением жалованья, а те деньги, от которых Регеций отказался, были ему вручены в виде новогодней премии.

Ох, и пилила же тогда Гая его верная Клавдия. И чего он, как положено, не пошел на работу? Сейчас был бы мастером с тысячей без малого месячного оклада. Глядишь, и она ушла бы из своей булочной.

Но что после драки кулаками-то махать попусту? Знать, планида у Теренция такая.

Ну, вот и он.

Чудо-юдо доминус Котел.

Ишь, красавец какой. Толстый да дородный. Настоящий аллеман. За минуту не обежишь.

С какой же стороны к нему подступиться? Шуточное дело – найти трещину. А если она еще неясная, внутренняя...

Это мага-техникуса надо – а тот в отпуске, как назло. На Крите вино пьет небось и думать про котлы всякие забыл... Или, на худой конец, приборами диагностическими прощупать. Но для этого надо останавливать работы.

– Чего не спишь, Теренций? – ошутимо хлопнули его по плечу.

– Ну и лапа у тебя, Мероп! – крикнул механик.

Начальник смены истопников растянул рот до ушей. Самодовольно глянул на волосатые руки, покрытые закрутившимися от лопаты мозолями. Что есть, то есть. Не обидели боги силенкой сатирического племени.

– Так что ты бродишь беспокойной тенью? – продолжал допытываться рогатый кочегар.

– Да вот, начальство учудило, – пожаловался Гай. – Велело срочно осмотреть котел. Будто пригрезилась кому-то серьезная поломка...

– В котле?! – не поверил сатир.

Теренций кивнул.

Мероп сочувственно присвистнул и почесал подбородок.

– Чем бы тебе помочь, ума не приложу.

– Останавливать нужно, – вздохнул человек.

– А вдруг наколка?

– Вот и я о том же. За остановку производства по головке не погладят. Но если сообщение правдиво и трещина действительно есть, то...

Сатир опасливо повертел головой.

– Да уж. Ежели он бабахнет, то мало не покажется. Вознесемся на небеси, так сказать!

Довольный своей шуткой, рогатый заржал.

– Слышь, Мер, а может, сам глянешь? – неуверенно попросил Гай. – Вы же что-то наверняка умеете...

– Нет, – тряхнул длинной гривой истопник, – мне не по силам. Вот Сильван, тот мог.

– Так он же давно на пенсии.

– То-то и оно.

– Дяденька Мероп, – подергал начальство за рукав сатиленок-подручный. – А давайте я гляну.

– Куда тебе! – с досадой отмахнулся Мер.

– Ну, позвольте-е...

– Пусть смотрит, – вступился за подростка Теренций. – Все равно отключать.

Юноша вприпрыжку помчался вокруг толстяка «Сименса».

– Ой! – воскликнул радостно откуда-то с противоположной стороны. – Ой! Есть!

– Что есть?! – одновременно вскинулись взрослые.

– Она! Трещи-ина! Да какая большущая!

– Полно врать-то! – не поверил Теренций. Сразу заломило в пояснице. Вот так всегда, когда сильно переволнуется. Проклятый остеохондроз.

– Ну, где тут твоя трещина? – отодвинул в сторону парнишку.

И обомлел.

Тут даже *инюго* взгляда не требовалось. Все и так, что называется, налицо. Или, точнее, на боку.

Словно хищным оскалом выверился котел. Длинная и тонкая черта зигзагообразно перечеркнула шероховатость обмуровки «Сименса», вздув прочный раствор извилистой щелью чуть ли не в половину человеческого роста длиной.

– С-свят-тые боги! – прикрыл ладонью распахнутый рот Гай Теренций.

– Пан Всемогущий! – поддержал его сатир.

Старый механик представил себе, что случится сейчас. Пар разорвет огромный котел. Осколками продырявит три других, и они тоже рванут так, что мало не покажется. Из разбитых цистерн хлынет мазут, искры замкнувших смятых трансформаторов подожгут его, и на месте станции, расположившейся в одном из густонаселенных пригородов Сераписа, возникнет извергающийся огненный вулкан. А рядом – нефтеперегонный «Бар Кохба и компания», хлопковые склады прядильной фабрики, еще куча всего вплоть до хранилищ хинской пиротехники. Фейерверк будет хоть куда – правда, они этого уже не увидят.

– Отключай, мать... – взревел Теренций. – Авось, еще успеем!

Табунком метнулись прочь сатиры и люди...

Гай так и не вспомнил потом толком, как взлетел он по железному клепаному трапу, как сорвал пломбу с аварийного вентиля, как они вместе с Меропом вращали заевший почему-то рычаг... И только когда над их головами заревел стравливаемый пар, механик в блаженном изнеможении опустился на стальной пол.

– Мероп, чудо ты мое рогатое, – просипел он. – Сгоняй в дежурку, принеси там за сейфом с инструкциями... четвертинка виноградной. Надо выпить за... За здоровье Учителя! Кто бы он ни был, он спас всех нас, да и Серапис заодно...

* * *

«Бран Луг», дирижабль первого консула Галлии, был готов к отлету.

– Все в порядке, ваше высокопревосходительство! – браво оттрапортовал капитан. – Можно подниматься на борт.

Эркюлес Лот поднял на него усталые глаза.

– А? Вы что-то сказали?

– Говорю, мы закончили проверку. Тревога оказалась ложной. Никакой бомбы не обнаружено. С мотором тоже все в норме.

– Да, да, – пробормотал себе под нос консул. Было видно, что его мысли витают где-то далеко от Сераписского аэропорта имени Эомая.

Скользнул рассеянным взглядом по шеренге вытянувшихся в струнку отцов города, мигом примчавшихся в аэропорт, где совершил незапланированную посадку борт № 1.

И чего им от него надобно?

Спешат продемонстрировать административное рвение? Так консул и без того знает, что в Сераписе все в ажуре. Налоги в государственную казну поступают исправно. Бунтов и беспорядков, хвала богам, нет.

Надо бы похвалить префекта, поздороваться с первыми лицами. А то как-то невежливо получится сразу же показать им спину.

Решительно направился к группе встречающих-провожающих его чиновников. Нацепив вежливую улыбку, стал раздавать рукопожатия.

– Спасибо, спасибо! – отвечал на нестройные поздравления с чудесным избавлением от опасности. – Никакой угрозы не было. Ложный сигнал. Чья-то дурная шутка.

Внезапно наткнулся на пронзительный взгляд черных глаз, буравящих консула из-под густых, изогнутых бровей. Высокий крупный человек классического римского вида.

– Вы что-то хотели сказать?.. – остановился перед ним Лот.

– Трималхион, доминус первый консул, – представился мужчина. – Кир Александр Трималхион.

Он не добавил никаких титулов, не указал род занятий. Да этого и не требовалось. Само собой, эта фамилия была хорошо известна первому человеку Галлии. И сами они встречались не впервые. Просто консул немного запамятовал из-за всей этой суеты...

– Слушаю вас, достойный доминус Трималхион.

– Можно поинтересоваться, откуда и какого рода было сообщение?

Первый консул пожевал губами.

Вот ведь медведь провинциальный. Никакого понятия об этикете. Позабыл, как нужно обращаться к главе государства. Ладно. Денежным мешкам и не такое с рук сходит. Все-таки на них зиждется благосостояние республики.

– Вы запеленговали сигнал? – спросил через плечо начальника службы безопасности, следующего в полушаге от охраняемого им лица.

– Так точно, ваше высокопревосходительство! Он поступил из Сераписа или его окрестностей.

– Что вам сказали? – обратился к нему напрямую финансист.

Лот снова закусил губу. Задавать здесь вопросы мог только он. Безопаснику это хорошо было известно, поэтому образовалась пауза.

– Ну?! – настойчиво нахмурил брови набоб. Правитель Галлии кивнул.

– Сообщили, что борту номер один угрожает серьезная опасность. Что-то связанное с мотором.

– Террористы?! – охнул мэр Сераписа.

– Не уточнили.

– А как представились?

– Невнятно как-то. Учитель Истины.

– Учи-итель?! – удивленно переглянулись Трималхион и градоначальник.

– Вам это о чем-то говорит? – заинтересовался первый консул.

В ответ богач поведал ему удивительную историю, приключившуюся месяц назад на местной теплоэлектростанции. Благодаря удачному вмешательству загадочной личности, скрывающейся под именем Учитель, удалось избежать серьезной аварии.

– Советуете прислушаться к словам этого человека?

– Да, ваше высокопревосходительство! – твердо молвил Кир Александр. – Осторожность не повредит.

Смотри-ка, удивился Лот. Оказывается, он таки знаком с правилами этикета. Наверное, просто волновался до этого.

– И что же вы посоветуете? Я не могу мешкать. Уже через... – глава государства взглянул на брегет, – три часа мне нужно быть в Александрии. Опаздывать на саммит, как вы понимаете, невежливо. Сама императрица собирается почтить открытие своим присутствием.

– Ну, это дело поправимое, – усмехнулся Трималхион. – Если ваше высокопревосходительство не погнушается, я могу предоставить вам свой личный дирижабль. Поверьте, он не менее быстроходен, чем ваш «Бран Луг».

В вежливых словах набоба первому консулу почудилась издевка, и это решило исход дела.

– Благодарю вас, доминус, – с ледяной вежливостью процедил Лот сквозь зубы. – Но в этом нет нужды. Мои механики все хорошо проверили. Аппарат в полной исправности.

– Как угодно вашему высокопревосходительству, – пожал плечами Трималхион. – Однако на всякий случай я дам приказ своему пилоту следовать в фарватере вашего корабля. Вдруг чего, всегда можно будет пересест с одного дирижабля на другой.

– Вы чрезвычайно любезны...

«Даже слишком, – продолжал думать консул об этом невежливом банкире, когда Серапис большим темным пятном остался далеко позади. – И кто его просил об одолжении? А глаза! Нахальные и хитрые, как у всех богачей. Хм! А вдруг он сам и затеял всю эту кутерьму с ложной тревогой? С него, пожалуй, станется. Лишь бы потом ходить с выпяченной грудью и небрежно сообщать налево и направо, что он как-то спас главу государства от неминуемой гибели. О, они такие тщеславные, эти нувориши. Им даже денег не нужно, дай похвастаться!»

Довольно скоро Эркюль Лот перестал вспоминать о Кире Александре Трималхионе. Были заботы и поважнее, чем копание в темных закоулках чужой души.

Следовало подготовиться к встрече... Шутка ли – его идея созвать конференцию самых значительных государств подлунного мира близка к воплощению!

В Александрии соберутся представители двух десятков стран. Да какие представители – не второразрядные чиновники из ведомств иностранных дел. Первый министр Британии, сводный брат короля Минуций Галахад. Председатель русской Думы Ставр Пересветов с супругой. Главы обеих Аллеманий – Верхней и Нижней. Сегун империи Ниппон Хакешу Катана. Персидский шах Кавад решил лично навестить престарелую Беренику. И прочая, и прочая... Даже Народное Государство Чжунго послало какого-то юайджуая (по их запутанной системе – что-то вроде старшего министра) Чина Чона.

Консул был готов прозакладываться на один ауру, что и на этой встрече ниппонец с хинцем поцапаются, как кошка с собакой. Никак не могут поделить сферы влияния. Три большие войны за девяносто лет – Аннам, Тайвань и Корея, причем в последнюю ухитрились втянуть Русь.

Одно слово – азиаты!

Арабы совсем сдвинулись на этом своем диком вероучении. Продолжается бессмысленная и кровавая война в Мавритании. Эфиопы опять пошли войной на империю Банту и Конго. И это в то время, как народы черной Африки страдают от голода и жутких болезней. Один куриный грипп чего стоит! Медики бьют в набат, угрожая небывалой вспышкой смертности. Об этом и следует говорить. И так уже от беженцев скоро житья не станет.

– Ваше высокопревосходительство!

На бледном лице главы службы безопасности читалась смертельная тревога.

– В чем дело Рауль? – кисло усмехнулся первый консул. – Нас достали? И куда же они засунули бомбу?..

Разведчик повесил голову на грудь.

– Помолиться успеем? – все в том же духе продолжал шутить Лот.

– Не бомба... Двигатель вот-вот взорвется! Механик весь зеленый! И этот сатиров механизм никак не выключается... Это проклятое автоматическое зажигание... Но я ни-че-го не по-ни-ма-ю, – по слогам отчеканил Декриерикс. – Мы же проверяли!

Он был готов выть от отчаяния.

А вот первым консулом овладела непонятная апатия.

Ему совершенно не было страшно.

Не потому ли, что был постоянно готов к чему-нибудь подобному? Пост, занимаемый им, предполагал изрядную долю риска. Не раз и не два Эркюлес получал угрозы от друидов-фанатиков, требовавших разрешить человеческие жертвоприношения, от наваррских сепаратистов, от мавров, требовавших вывода войск из Африки, хотя их вообще-то вывели еще при его предшественнике.

На все это Лот отвечал неизменной улыбкой.

А еще снова вспомнился сераписский финансовый воротила. Как он настойчиво советовал прислушаться к словам неведомого Учителя.

И где же этот таинственный благодетель?

– Воспользуйтесь парашютом, доминус консул! – взмолился Декриерикс.

– Идиот, – устало махнул рукой консул. – Мы же над морем!

– Ва-ва-вашест-во! – заквакал внезапно появившийся в салоне второй пилот.

– Что?! – схватил его за грудки безопасник. – Что?! Скорость падения увеличилась?!

Летчик отрицательно затряс головой.

– Тогда в чем дело?

– *Учитель! Он* вышел на связь! *Он* нас спасает! Первый консул решительно отстранил Декриерикса и авиатора и прошел в кабину.

– *Не бойся, сын мой!* – неся из динамиков уверенный громкий голос. – *Все будет хорошо!*

Капитан судорожно вцепился в штурвал. Пот заливал ему глаза. Он моргал, морщился, но был не в состоянии бросить руль. словно тот был спасательным кругом.

Первый консул вытащил из кармана носовой платок и протер лицо капитана. Тот благодарно кивнул и вновь впился глазами в приборы.

– *Ты слышишь, сыне,* – звучал убаюкивающий басок. – *Я все исправил. Теперь вы вне опасности. Понял? Вы вне опасности...*

И ровное гудение винтов оборвалось.

Только минут через пять капитан вышел из прострации, начал отдавать команды, засуетились немногочисленные матросы, распуская паруса...

Замершая туша дирижабля вновь двинулась вперед. А навстречу уже мчалась изо всех сил пара патрульных дирижаблей Египетского воздухолетного легиона, чтобы взять потерпевший аварию небесный корабль на буксир.

Как только дирижабль первого консула Галлии опустился в аэропорту Александрии, к нему тотчас устремились аварийные машины и кареты «скорой помощи». К счастью, ни услуг спасателей, ни помощи медиков никому не потребовалось. Ну, разве что у главы службы безопасности, галла Рауля Декриерикса, приключился легкий сердечный приступ.

Двигатель был незамедлительно снят и доставлен в мастерские, где его принялись вдумчиво изучать механики и эксперты из соответствующих служб, включая двух лучших в Империи магов-техникусов.

Но стоило им начать его разбирать, как он развалился на мелкие обломки...

* * *

«...Создатель и пионер воздухоплавания на Гебе Влад Цеппель до тридцати с лишним лет ничего не думал создавать и изобретать. Был он властителем-господарем мелкого дунайского княжества Вахлакии между имперскими владениями и землями Царства Русского и считался номинальным вассалом Александрии. Но, видать, от отдаленности своих краев потерял, образно выражаясь, „сцепление с реальностью“ и принялся лихоимствовать на дорогах, грабить купцов и облагать народ податями сверх меры.

Известия об этом дошли до августа Птолемея Семидеятого Коммода, и хоть в его времена и не такое творилось, но сообщение стало последней каплей, и было решено приструнить зарвавшегося князька. В его княжество была отправлена гвардейская сотня во главе с центурионом, везшим предписание незамедлительно явиться на суд в Александрию.

До скрывавшейся в горах бревенчатой столицы Влада центурия добиралась три месяца. Откровенно говоря, то был не самый умный приказ: мало ли что взбрело бы в башку диковатого варвара? Но как раз в момент появления изрядно уставшей и поредевшей центурии у ворот родового замка гарнизона там и не было. Цеппель затеял войну с соседом – таким же князьком, чьего имени история не сохранила, и кинул в его владения почитай всю свою дружину. Сам же сидел в тронном зале, предаваясь мечтам о том, как посадит своего противника на кол – уже заботливо выструганный и установленный на площади перед дворцом.

Прочтя грозное послание из самой столицы Империи (а он-то небось и думать про нее забыл!), Влад настолько растерялся, что без сопротивления позволил арестовать себя и увезти прочь.

Однако пока его довели до Александрии, Коммод благополучно скончался, как это частенько водилось у августов, не оставив завещания, зато оставив много наследников. Начались обычные в междуцарствие интриги и склоки, борьба регентов у трона... И, конечно, никому не было дела до какого-то провинциального властителя, невесть что о себе вообразившего.

Так он и жил под домашним арестом на роскошной вилле, грелся на пляжах Средиземного моря и развлекался с куртизанками – благо, содержание ему, как почетному пленнику, положили немалое. Но потом его деятельная натура все же взяла верх, и он – поначалу исключительно от скуки – начал захаживать в музей и академию.

И... совершенно неожиданно увлекся римской наукой и мудростью и даже стал прилежным учеником у тамошних умников. Те, естественно, втихую посмеивались над тридцатипятилетним студентом – известно, мол, начавший учиться играть на флейте в пятьдесят лет рискует дать первый концерт на том свете... Но все же не могли отказать жаждущему приобщиться к знаниям, тем более что и монеты, прежде уходившие на вино и девочек, все чаще перекочевывали к учителям.

Влад пытался заниматься математикой, потом затеял писать труд по истории своего княжества в свете мировой истории, но в конце концов возобладал практический ум варвара. Цеппель решил, ни много ни мало, подняться в небо. И подошел к этой проблеме с истинно практической сметкой.

Не раз наблюдая то, как поднимается кверху дым от костров и очагов, унося вверх пепел и угли, он задумался, а нельзя ли как-нибудь этот дым оседлать и взлететь верхом на нем. Сказано – сделано, и через пару месяцев Цеппель соорудил воздушный шар из бычьих пузырей (изрядно озолотив александрийских мясников с боен) и в присутствии новой августы Клеопатры Двадцать Третьей впервые взлетел на двести футов над землей. Потрясенная этим подвигом ума и храбрости, императрица тут же помиловала Влада за его прошлые прегрешения. А присутствовавший при этом посол Империи Чжунго Ван Зай дал ему прозвище Маленький Дракон (Влад был невелик ростом) или Дракончик, что по-латыни звучало как Дракулус.

Увы, многообещающая карьера гениального самородка оборвалась уже в следующем году. Он, к тому времени избранный в почетные академики, загорелся идеей столь заманчивой, сколь и невозможной: создать аппарат тяжелее воздуха. И как его ни отговаривали, соорудил из бумаги и тростника большие крылья и прыгнул с ними со скалы... со вполне понятным результатом».

(Сто великих изобретателей Геба. – Александрия: Частное изд-во «Астуса Армадия», 2750 г. от основания Рима.)

Глава третья ПОСЛАНИЕ

– Итак, – подытожил магнат, – мне несколько раз приходилось сталкиваться с этим самым Учителем Истины. Не лично, нет... Возможно, он и впрямь сведущ в дистанционной диагностике механизмов. Я в этом не силен...

Он вопросительно уставился на гостей.

Разговор, начавшийся в гостиной, плавно перетек в застольную беседу.

Натали, с садистским выражением лица расправлявшаяся со здоровенным омаром, никак не отреагировала. Лайер, занятый намазыванием поджаристого тоста черной (явно персидской, доставленной в нарушение закона об эмбарго на торговлю с этим оплотом терроризма) икрой, неопределенно хмыкнул.

– Но недавно он обратился ко мне с совершенно неожиданным предложением... Вы, наверное, знаете, что за горе постигло мою семью...

Крис кивнул, изображая приличествующее случаю соболезнование.

– И вы полагаете...

– Экспертиза показала, что это был несчастный случай. Ничего, что указывало бы на преступный умысел, не обнаружили.

Сыщик промолчал, про себя подумав, что это еще ничего не значит.

На его памяти людей как только не убивали. Выпущенным из детской дудочки шипом, выстреленным из ружья кинжалом, отравленным букетом роз, выпущенной из пращи в окно спальни египетской коброй. Одного ростовщика компаньон заколол сосулькой, и лишь лужица воды навела сыщика на мысль об оружии убийства.

– Дело не в этом, – продолжил Кир Александр. – Хотя, признаться, вначале я подозревал своего двоюродного племянника, Максима Эвергета Трималхиона...

– Британская ветвь фамилии? – уточнил Крис.

– Да, вы, как всегда, правы, доминус... После дочери, Роксаны Сабины, он самый близкий мой родственник. Не подумайте, что у меня к нему какое-то предубеждение, хотя я, откровенно говоря, считал и считаю его неотесанным выскочкой. Возможно, вы не знаете, но по старому закону о сенатских майоратах имущество может переходить лишь к старшему мужчине в семье, и дочери не наследуют... Это касается лишь сенаторского сословия, и я...

– Не трудитесь объяснять, доминус Трималхион, – вежливо прервал его детектив. – Я имею степень доктора права...

Набоб с удивлением взглянул на Криса.

– Ага, конечно... Ну, так вот. Неделю назад ко мне явился некий маг, отрекомендовавшийся Грегуаром Элмсом, магом-техникусом. И предложил...

Он умолк и потянулся рукой к бокалу. Тут же нарисовавшийся лакей услужливо налил хозяину вина. Красного.

Трималхион легонько покачал хрустальный бокал туда-сюда, любуясь переливами рубиновой влаги. Сделал большой глоток.

Крис удивился – этот сильный и непреклонный человек, похоже, собирался с духом.

– Да... не требуя платы вперед и вообще не выдвигая условий, он предложил... *оживить* Дария Констанция.

– О-жи-вить? – только и смог выдавить Крис. – Я не ослышался?

– Ничего себе! – присвистнула благовоспитанная девица Куркова, забыв о безе со взбитыми сливками.

– Именно, – подтвердил финансист и опять пригубил вино.

– В нашей семье есть обычай – совершать кремацию через два полных месяца после кончины. Тело моего сына... – Кир Александр сглотнул ком в горле, – сейчас заморожено и находится...

– Неважно, – мягко остановил его Крис.

– Да, вы опять-таки правы... Я хочу, чтобы вы проверили этого самого Элмса. Хорошенько!

В голосе хозяина дома появились стальные и какие-то зловещие нотки.

– А с какого бока здесь замешан Учитель Истины? – резонно поинтересовалась Натали, даже за изысканным угощением не терявшая профессиональных навыков. – Ведь вы же, кажется, упомянули, что к вам обратился именно он?..

Трималхион благосклонно улыбнулся.

– Умная девочка, – похвалил. – Правильный вопрос. Я тут навел кое-какие справки по своим каналам. И вышло, что Грегуар Элмс и рекомый Учитель Истины вроде как одно и то же лицо.

– Однако! – фыркнула девушка. – И швец, и жнец, и на дуде игрец!

– Я сказал «вроде». Точно узнать не удалось даже мне.

Последние слова были выделены таким образом, что сомневаться не приходилось – силы и средства были задействованы немалые.

Крис глубоко задумался.

Как известно всякому, кто хоть сколько-нибудь понимает в магии, оживить мертвое тело *невозможно*.

Магия могла поднять человека почти со смертного одра. Бывали случаи, когда чародеи воскрешали уже начинавших биться в агонии больных. Случалось – вытаскивали почти с того света. Но в том-то и дело, что «почти»...

Даже зомби, про которых было так много разговоров и за изготовление которых в Империи полагается смертная казнь, делаются пусть и из обработанных жуткими ядами, но все же живых людей.

Нет, искусный маг может заставить покойника, даже уже изрядно разложившегося, двигаться, а иногда и ходить. Но с тем же успехом к мертвецу можно подключить электрическую батарею – хлопот будет меньше, а пользы – столько же.

– Уважаемый доминус, – с наиболее возможной вежливостью изрек Крис, – вам нет нужды тратить деньги, выплачивая мне гонорар.

Заслышав из уст шефа такую нелепицу, Натали едва не подавилась глотком фалернского.

– Я и так вам скажу, что явившийся к вам тип – не более чем шарлатан. Увы, вернуть человека в наш мир из царства теней властен лишь Творец. Или, ежели вам угодно, боги.

– Невозможно? – вдруг угрюмо и зло бросил Трималхион. – Ну ладно, слушайте дальше! Именно так я и сказал этому Элмсу, предложив как можно скорее убраться из моего дома, если он не хочет быть спущенным с лестницы.

Богач скомкал салфетку и запустил ее в сторону двери, словно проделывал это не с куском ткани, а с живым человеком.

– Тогда он... Он как будто знал все... наперед. Оказалось, что с собой он принес кошку...

Кир Александр сморщился, как от зубной боли, и Крис вспомнил, что эти животные пользовались особой любовью магната.

– В корзинке... Молоденькую, короткохвостую, русской породы... Серенькую такую. И на моих глазах свернул ей шею. Вот так – взял и свернул. Качественно свернул, бедняжка даже не мякнула. А потом сбрызнул ее какими-то каплями, и она... ожила, как ни в чем не бывало.

Потом, я еще не успел опомниться, он спросил: нет ли на кухне забитой птицы или кролика? Ни птицы, ни кролика не нашлось, зато в морозильнике был молочный поросенок, при-

готовленный к ужину. Уже выпотрошенный. Он разморозил его в теплой воде – не побрезговал все сделать сам. А потом оживил – теми же каплями.

– Простите, простите, я не понял... – только и смог выдавить Крис.

– А чего тут не понять?! – сверкнул глазами Трималхион. – Выпотрошенный поросенок бегал как живой. Бегал, подпрыгивал и сипел, потому что визжать не мог – легких не было. Это продолжалось минуты полторы. *Этот* сказал, что можно бы и дольше, но смысла нет. Понимаете, от одной крошечной капли поросенок ожил! Мертвый, зарезанный, замороженный, вытасченный из морозильника...

– А дальше? – Крис, кажется, слегка потерял над собой контроль, поскольку обнаружил, что одним махом сожрал три лягушечьи ножки, причем вместе с косточками.

– Он спросил, доволен ли я демонстрацией, и пообещал прийти через десять дней за ответом. Так вы беретесь за это дело?

– Я даже не знаю, что и сказать. – Сыщик не скрывал своей растерянности.

– Понимаю, – вздохнул Кир Александр. – Даю вам два дня на обдумывание. Если не решитесь, то задаток можете не возвращать...

Он бухнул перед Крисом на стол изрядную пачку кредиток.

– Тут и компенсация.

Крис, не вполне еще придя в себя, собрал ауру и, поклонившись, вышел, сопровождаемый безмолвным охранником.

Следом тащилась злая на весь мир Натали, беззвучно шевеля губами. И нетрудно было понять, что именно она бормочет про себя.

У ворот, неподалеку от того места, где они оставили машину, сыщик остановился как вкопанный.

На посыпанной аккуратной галькой дорожке сидела и умывалась серая кошечка русской породы...

Кошечка как кошечка.

Только вот голову она держала как-то странно, словно с ее шеей было что-то неладно.

«Одно из двух, – подумал Крис, ускоряя шаги. – Или клиент рехнулся, или...»

– Не беги так, шеф, – довольно зло прошипела Куркова. – С меня сейчас платье упадет!

– Кстати, о платье, – продолжила щебетать блондинка, когда «кентавр» уже тархтел по дороге к Серапису. – Крис, душка, не мог бы ты выдать мою долю прямо сейчас? Мне так жаль этой милой вещицы, что непременно нужно найти ей достойную замену. А то я лопну с досады! Ты хочешь, чтобы я отдала богу душу, а?

– Помолчи! – рыкнул на помощницу Лайер. – Не мешай мне думать.

– Да что тут думать? – удивилась Натали. – Деньжищи сами плывут нам в руки. Нельзя упускать такой шанс. Срубить кучу бабок на голом месте. И за что? Ну, последим чуток за очередным шарлатаном. Фотографии, вырезки, отчеты о наблюдениях, расшифровки стенограмм прослушки... Все как обычно.

– Ты так считаешь?

– Что?.. – не поняла девушка.

– Думаешь, что Элмс – обычный шарлатан?

– А то нет! – презрительно фыркнула Куркова. – Мы его в один миг расщелкаем! Хочешь, я даже могу на эти его дол... дурацкие лекции сходить. Представляю, что там за нудота будет!

Она демонстративно зевнула.

– Это само собой. Но лекции всего лишь надводная часть айсберга. Вся соль в практике.

– Боишься, что он и меня обратит в свою веру? – томно прилегла ему на плечо Натали. – Заколдует, так сказать. Так ведь я с трудом поддаюсь магическому внушению. Сам же проверял.

Крис ухмыльнулся.

Это точно.

Его верная напарница в плане навьего воздействия – сущий кремь. Ничего не берет. Редкая для женщины способность. Наверное, от деда Василия. Тот тоже абсолютно индифферентен к чарам. Правда, еще неизвестно, как бы он себя повел при магической атаке выше четвертого уровня. Однако магов, обладающих такой силой, на Гебе сейчас наперечет. И все они на учете.

«Кентавр» подозрительно зачихал.

– Кстати, и машину бы сменил, – ткнула в больное место ехидина. – Одного задатка с лихвой хватит на «тоттенвольф». А если нормально отчитаемся да получим остаток гонорара, то, глядишь, и «аргамаком» обзаведешься.

– Твоими бы устами...

Он не договорил.

Прямо перед ними выросла грозная фигура вигила, повелительно машущего полосатым жезлом.

– Вот сатир хренов! – выругался Лайер. – Неужели что-то нарушил?

– Ой, да будь спокоен, – отмахнулась Натали. – С нашим бумажником мы его в один миг отошьем.

Крис осуждающе кашлянул. Он не любил, когда подчиненная действовала такими методами в отношении представителей закона.

Но запах легких денег, по-видимому, уже вскружил девушке голову.

Так что не успел страж порядка взять под козырек и попросить водителя выйти из машины, как домина Куркова сама выпорхнула на дорогу и принялась строить вигилу глазки.

– Ох, каких красавцев стали брать в дорожную службу! – начала с места в карьер.

Патрульный – низкорослый детина с основательным пивным брюшком смутился и покраснел.

– Кхе-кхе, – сумел выдавить из себя вместо приветствия.

– Мы что-то нарушили, доминус опцион? – часто заморгала длинными ресницами девушка.

Польщенный мгновенным производством в офицерский чин, вигил отрицательно покачал головой.

– Так в чем же дело? – Заискивающий тон куда-то испарился из речи Курковой, уступив место холодной вежливости, а затем и задиристой заносчивости. – По какому такому праву вы нас задерживаете?! Мы, между прочим, спешим. Выполняем конфиденциальное поручение доминуса Трималхиона. Связанное с государственной безопасностью!

Тут она, конечно, слегка перегнула палку.

Несчастный правоохранитель покрылся мелким потом и застыл верстовым столбом, широко открыв глаза и рот.

Лайер поспешил «коллеге» на выручку.

– Что случилось, капрал? – поинтересовался, демонстрируя свое сыщицкое удостоверение. – Объявлен «Перехват»? Кого-то ищут?

Патрульный, успокоившийся при виде безобидной корочки частного детектива, не шедшей ни в какое сравнение со значком имперской безопасности, вытер пот и прокашлялся:

– Велено было задержать именно этот автомобиль.

Ничего себе заморочки!

– Кем велено? – изумился Крис.

А его бесшабашная напарница как-то сразу утратила весь свой раж и стала пристально посматривать в сторону патрульной будки, думая, как бы воспользоваться служебным телефоном и связаться с дедулей.

– А кто ж его знает? – пожал плечами вигил. – Позвонили, продиктовали номер вашей машины и сказали, что-де непременно нужно тормознуть.

– И по какой причине?

Сторожевой сдвинул на глаза форменный картуз и почесал затылок:

– Молвили, что нужно проверить мотор. Дескать, может приключиться несчастье по причине неисправности...

Лайер нервно открыл капот и заглянул внутрь.

Подошедший постовой пристроился рядышком и с любопытством сунул нос в сплетение шлангов, проводов и деталей.

– М-да! – снова зачесал он свой бритый по уставу затылок.

Сыщик и сам видел, что «м-да». И еще какое.

– Как же вы могли ехать с таким... – вигил не смог найти должного эпитета для обозначения обозреваемой картины.

– Дерьмом, – подсказал Крис.

– Вам виднее, – не стал спорить крепыш. Шпицы в местах соединения рулевого вала и вала червячного редуктора были «срезаны». Аналогичное произошло еще с двумя болтами в местах сочленения плоскостей.

– Хрень! – выругался сыщик. – Я же осматривал ее, заразу, перед выездом за город. Все было в ажуре.

– Магия? – полушепотом спросил вигил, с испугом глядя на кинокефала.

– Вряд ли, – досадливо отмахнулся тот. – Налицо механическое повреждение.

– У вас есть недоброжелатели?

– Пруд пруди, – оскалился Крис.

– Подозреваете кого-либо конкретно? Сыщик предпочел уклониться от ответа. Очевидно, до города предстоит добираться своим ходом. «Кентавр» не вынесет их двоих. Да и одного, скорее всего, тоже.

– Как нам быстрее добраться до города?

– Можете поймать попутку. А лучше автокаром. Вон как раз рейсовый показался.

Отблагодарив спасителя двумя червонцами и вверив его попечению искалеченный драндулет, детективы подались в сторону остановки.

До Сераписа добирались около часа – на допотопном двухэтажном паровом автобусе, скрежетавшем всеми своими сочленениями на поворотах узких улочек старого города.

Натали, по своему обыкновению, болтала, восторгаясь только что пережитым приключением.

– Залина с Петронеллой помрут от зависти! – поминала блондинка своих подружек. – Это ж надо, какой драйв!

Как будто драка с мордоворотами Трималхиона была игрой в сыщиков и воров.

– Интересно, какой гад сотворил это с нашим верным солдатиком? Ей-богу, руки-ноги поотрывала бы! А то и еще чего-нибудь!

Многозначительно опустила взгляд пониже Крисовой талии.

– А ты уверена, что это был мужчина?

– То есть?... – выпучила зеленые глаза блондинка.

– Там вполне могла бы справиться сильная женщина. Типа нашей новой знакомой Лу...

– Вот сучка!.. – протянула Куркова. – Да я ж ее...

– Доказательств-то нет, – охладил пыл напарницы Лайер. – Уверен, что экспертиза не обнаружит отпечатков пальцев.

Впрочем, его сейчас гораздо больше интересовала личность их таинственного доброжелателя. Или он был тождествен с вредителем? Тогда получается: никто не хотел, чтобы поездка

закончилась трагически. И вся эта кутерьма не более чем предупреждение. Но от кого и зачем? Чтобы они не имели дела с Трималхионом и не совали свой нос куда не следует?

И где же оно – это «куда не следует»?

Не зря, ой не зря у него чесался загривок. Верная примета опасности.

Проводив Натали до дома, где она снимала квартиру (строптивая девчонка, решив жить самостоятельно, упорхнула из отеческого гнездышка, опечалив мать и заставив деда уважать себя), Крис поехал к себе.

Здесь все было как обычно.

Ничто не свидетельствовало о чьем-либо постороннем внедрении в его «логово». Все ловушки и маячки были на месте.

И за то хвала Создателю.

Сбросив пропитавшееся потом *тряпье*, как он обычно именовал человеческую одежду, Лайер кинулся под душ. Контрастный. Чередуя пышащий паром кипятком с пронизывающей до печенок ледяной стужей.

Процедура, как всегда, вернула ему равновесие.

Как есть обнаженный, со стекающими по телу каплями, вышел в гостиную и стал неторопливо прохаживаться вдоль книжных полок, обсыхая и предаваясь раздумьям.

Взял кусочек мягчайшего войлока и принялся механически протирать изрядно запылившихся (давно пора нанять прислугу) бронзовых болванчиков.

Приятели, приходя к нему в гости, подтрунивали над этой его слабостью. Надо заметить, отнюдь не дешевой.

Вот этот полуметровый истукан из черной вендийской бронзы обошелся Крису почти в четыреста ауро. А вон тот, чуток поменьше, хинский, из обычного желтого металла, тронутого благородной патиной, – в двести пятьдесят. Вообще же в его коллекции насчитывалось уже около двух десятков идолов.

И все – слогоголовый вендийский бог Ганеша.

– Ты че, прикальваешься? – все приставала Натали. – Тебя это заводит?

«Наверное», – пожимал плечами сыщик.

Оно и впрямь выглядело прикольно. Кинокефал, собирающий слонолодей.

Зато их приходской священник, отец Валентин, откровенно не одобрял нечестивое увлечение духовного чада и все грозился наложить на Крису суровую епитимию.

– Сущее идолопоклонничество! – метал перуны преподобный. – Срамота!

– Да я ж не курю им благовоний и не совершаю возлияний! – оправдывался парень. – Интерьеру для, а не поклонения ради.

– Один хрен! – лаялся святой отец. – Вот ужо натравлю на тебя твое орденское начальство!..

Ага, злорадно думал Лайер, давайте, батюшка, давайте. Глава Сераписского капитула, доминус Дуамутеф Коклес, вас внимательно выслушает. И пошлет куда подальше. Естественно, не вслух. Потому как и у самого рыльце в пушку. Пару раз был замечен выходящим из хоральной синагоги. Что уж он там делал?.. Но на нынешний песах (Крис сам был тому свидетелем) почтенный кинокефал приобрел в супермаркете «Ноев ковчег» большущую коробку мацы и пару бутылок кошерного вина...

Кстати, отец Валентин от слез Бахусовой лозы тоже не отказывался. Не потому ль и навещался к Крису в гости, чтоб тот умиловил гнев духовного отца своего рюмочкой-другой фалернского? Сам сыщик спиртного и на дух не переносил, но исключительно для гостей держал неплохой бар, комплектование которого доверил Натали, всецело полагаясь на ее вкус.

Блондинка неплохо разбиралась в спиртном (национальная черта русских) и охотно выполняла это поручение шефа. Закупала все в нужных количествах, а затем сама же и дегу-

стировала какой-нибудь выдержанный коньяк или заморскую текилу, забравшись с ногами в огромное кожаное кресло у камина и двусмысленно посверкивая на Криса своими чуть повлажневшими от выпитого зелеными глазищами. Сыщик делал вид, что не замечает этих ее плотоядных взглядов.

Закончив наведение чистоты, Лайер уселся в любимый его компаньонкой предмет мебели.

Да, Натали в комфорте толк знает. Равно как и в мужских достоинствах.

Крис сконцентрировался и погрузился в медитацию. Ему нужно было обдумать все, что произошло за последние полторы суток.

Приятное тепло разлилось по телу, в голове зазвучала тихая мелодия... Странно, отчего она напоминает звуки шлягера былых веков «Если завтра война», недавно снова вошедшего в моду? Точь-в-точь как трель его домашнего телефона.

Тьфу ты!

А ведь и впрямь коннектор разрывается.

Эх, не додумался отключить, придя домой, олух царя небесного!

Теперь нужно будет по-новой настраиваться. А так все славно шло.

– Да?! – раздраженно рявкнул в трубку.

– Что так сердито? – ответил ему уверенный громкий голос. – Ведь, слава Богу, вы живы?

– Кто это?

Но сам уже догадался.

«Спаситель». Тот, кто позвонил патрульному и предупредил о возможной аварии.

– Это не важно. Главное, что с вами все в порядке.

– Да, спасибо.

– Не меня благодарите, дитя мое, но Отца Небесного. Мы все лишь овцы Его.

– И все же вы не хотели бы назвать себя?

– Зачем? Я не мыслю о воздаянии на земле.

– Возможно, я могу быть вам чем-то полезен?

– Ох, вряд ли, дитя мое, вряд ли. Вот разве тем, что умерите свое любопытство. Не хлебом единым жив человек. И не все измеряется в денежном эквиваленте...

Трубку на том конце положили.

Крис еще несколько мгновений сжимал в руках слушалку, злобно рыча и ругаясь.

Итак, он оказался прав. Ему намекнули, куда не следует совать нос. И это отнюдь не привело Кристофера Лайера в благостное состояние души.

Он решительно набрал номер Натали.

– Ты еще не спишь? – задал глупый вопрос, когда девушка отозвалась.

– А что? – с готовностью спросила блондинка. – Ты хочешь завалиться в гости? Тогда бери бутылку «Птолея Пятнадцатого» и приходи. Икра и шоколад у меня найдутся.

– Отложим распитие коньяка на потом, – осадил ее шеф. – Завтра с утра у меня на столе должны быть все, какие удастся раздобыть, материалы по Элмсу.

– Йахуу! – восторженно гикнула зеленоглазка. – Мы беремся за это дело?!

– Да! – коротко бросил сыщик и нажал пальцем на рычажок отбоя.

Глава четвертая

АДЕПТ КОСМИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ

Перед Крисом лежала груда газетных вырезок, светокопий, распечаток – того, что удалось накопать его помощнице на Элмса и Учителя Истины.

В общем, ничего особенного среди этой бумажной кучи не было.

Сверху покоился ответ на официальный запрос в магическое ведомство Империи. С него сыщик и начал.

Итак, Грегуар Элмс, уроженец Белгии – самого севера Империи. Христианин, хотя и не принадлежавший к какой-то из трех основных ответвлений этой веры. Отец – участник войны с саксами, мать домохозяйка, брат, сестра...

Ага – любопытная подробность. На четверть наш подопечный – африканец: дед его по материнской линии занимался торговлей в Зембабве и, кроме капитала и хронической малярии, привез себе оттуда жену. Впрочем, что ж тут такого, в сущности, не при Атаульфе, слава Богу, живем.

В шестнадцать лет при стандартном тестировании обнаружены магические способности, направлен в провинциальную спецшколу Палаты Магов. Окончил с отличием, поступил в Неаполитанский университет имени Парацельса на факультет технической магии.

После окончания был распределен в Шестнадцатый Африканский бронелегион, в мехмастерские. Отслужил три года, звание – центурион магической службы.

Затем поступает на Дирижаблестроительную верфь имени Влада Цеппеля в Мюнхене. Специализировался на наладке магических навигационных комплексов. Пять лет назад уволился, получил лицензию на частную практику.

Жалоб и нареканий не имел, в нарушении законов о чародействе не замечен.

И все.

А вот дальше начиналось нечто интересное.

Маг Элмс исчезает куда-то почти на три года. Практикой не занимался, зато проводил какие-то непонятные исследования.

Предлагал свои услуги Центру магической физики в Копенгагене, но как раз в Датском Королевстве стало неладно, и он счел за лучшее убраться прочь.

Затем всплывает аж в Персии.

Неудивительно, с одной стороны, – магов имперской выучки ценят везде. Но опять-таки там тоже не практикует, на службу к шахиншаху завербоваться не пытается. Затем переезжает в Вендию (да, наш пострел везде поспел), где получает степень гуру первого уровня.

И вновь – ничего.

По слухам, занимается какими-то изысканиями в Гималаях. Ага... Задержан пограничниками Народного Государства Чжунго в Тибете и выслан со скандалом.

Так или иначе, Грегуар вновь в Империи.

Тут-то и начинается его новая жизнь.

Публикации более чем сомнительного, но зато сенсационного свойства в газетах.

Выступления, где Элмс без лишней патетики ниспровергает различные магические аксиомы.

Обвинения в шарлатанстве от маститых чародеев. И вместе с тем к его услугам начинают обращаться крупные компании и даже политики.

Ездит по всей Империи, посещает Эйрин, где принят высшими друидами.

Правда, некоторым диссонансом звучит пришедшее год назад из Вендии сообщение о том, что местная магическая братия направила в Александрию официальное заявление: они к означенному Элмсу отношения не имеют, идей его не разделяют и никаких полномочий ему

не давали. (Да, с чего бы это? Вроде поводов для паники нет – не схватили же его при попытке навести порчу на августу.)

Среди найденного в Орбирете было письмо от какой-то дамы, которая рассказала, что беременна от Элмса и собирается родить ребенка. По ее словам, Элмс посетил ее в астрале, где все и произошло. Дальше шел пространный комментарий какого-то чародея о том, что в астрале нет никакой возможности «обременить» женщину и что только такие истерички и дуры могут всерьез воспринимать учение этого, с позволения сказать, великого мага (тем более, как выяснилось, дама была не первый год замужем).

Несмотря на слегка игривый финал, Крис был настроен достаточно мрачно. Его интуиция – и магическая, и сыскная – говорила, что все куда серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

В особенности это становилось очевидным, когда дело доходило до личности Учителя Истины.

О нем сообщалось скупо и туманно. Сделал то, предотвратил это, исцелил, накормил, напоил... Некоторые кликуши уже окрестили его *истинным Богом, Первым пришествием.*

Богохульство!

Ну, все понять можно. Однако отождествить таинственного Учителя со Спасителем...

Это уже слишком...

Христианство появилось на Гебе весьма своеобразным способом.

Случилось это более полутора тысяч лет назад, в эпоху Второй Великой смуты, когда в Империи было целых три августа – в Александрии, Лютееции и Афинах.

И вот в эти смутные дни в главный порт острова Кандия вошла флотилия кораблей странного вида – пузатых и неуклюжих, с большими красными крестами на несурзных квадратных парусах. Спустившиеся на берег люди в незнакомых доспехах сперва спросили у обеспокоенных жителей на скверной латыни и еще более дрянном греческом – не Иерусалим ли это?

Затем ни с того ни с сего начали ломать статуи святых богов и громить храмы, колошматя чем ни попадя подворачивающихся под руку жрецов. Местная стража, больше привыкшая ловить беглых рабов и усмирять пьяных матросов, разбежалась при виде закованных в сталь воинов, благоразумно не пытаясь им мешать.

Одним словом, уже через пару дней остров был в руках пришельцев неизвестно откуда.

После того как были доломаны все статуи или, как выражались гости, «идолы», они ограбили все храмы и купцов, правда, как писали очевидцы, особо не зверствуя, поскольку сами были весьма потрясены тем, что сообщили им пленные.

Потом, наполнив водой главный бассейн в местных термах, загнали туда по очереди всех жителей, каких смогли поймать, раздали им крестики и приказали молиться только богу пришельцев – Иисусу, будто бы распятому в Великой Иудее при каком-то Тиберии, и отцу его Иегове.

Разумеется, известие об этом чудном происшествии с разной скоростью, но достигло всех трех императорских дворов, но там только отмахнулись – было не до того.

Однако крестоносцы сами напомнили о себе.

Их послы явились в Афины к августу Афраниусу. Будущему Птолемею Двадцать Шестому. Афраниусу Великому, Отцу и Спасителю Отечества.

Сперва они потребовали от него принять их веру, обещая помощь своего непонятого бога во всех начинаниях государя.

«Сим победиши!» – утверждали, размахивая перед носом августа золотым крестом.

Император, как говорили злые языки, и в своих-то богов верил не шибко, однако предложил устроить диспут с лучшими философами и мудрецами, какие были в Афинах. Даже

специально пригласил из Иерусалимского храма нескольких фарисеев и саддукеев в качестве третейских судей.

Диспут закончился дракой и скандалом, и, по словам хронистов, Афраниус покатывался со смеху, глядя с трона, как дюжие рыцари и монахи лупцуют почем зря почтенных старцев. Посадив послов под замок, август послал на Кандию небольшой отряд воинов во главе с проконсулом Таблинием Раттусом.

Когда Раттус высадился на остров, навстречу ему выехали закованные в сталь всадники, и...

Подробностей боя не сохранилось, но факт есть факт: в Афины вернулись лишь двадцать человек, чтобы сообщить о полном разгроме.

Весьма рассердившись, Афраниус снарядил едва ли не четверть своего флота и два из пяти имевшихся у него легионов. Предстояла решающая схватка за александрийский престол, и он не собирался терпеть у себя в тылу непонятного врага.

Кораблям не суждено было пристать к кандийскому берегу. Уже в виду острова их встретили крестоносные галеры, которых было раз в пять меньше.

В Афины вернулась дюжина кораблей с панической вестью: чужаки владеют ужасной магией, заставляющей гореть даже воду.

Так в Империи впервые познакомились с «диким огнем».

Другой бы на месте Афраниуса струсил или, наоборот, вновь повторил бы попытку сокрушить пришельцев грубой силой. Но повелитель Афин не зря считался одним из умнейших монархов всех времен и народов.

Велев освободить из подземелья послов, предложил им такую сделку: он отдает в вечное и безраздельное владение крестоносцев Кандию и разрешает свободно проповедовать их веру, а они за это признают себя его вассалами и союзниками.

У пришельцев в Империи переняли очень многое – от стремян и «дикого огня» до алхимии и двухлемешного плуга.

Кандия давно переименована в Святой остров, его столица Новый Иерусалим (соперник Иерусалима Старого) – один из богатейших городов, христианство стало одной из мировых религий, а его адепты уже пятнадцать веков пылко молятся, уповая на то, что Иисус Христос непременно явится и на Гебе.

И это будет *Первым Пришествием...*

Итак, дело это Крису безотчетно не нравилось.

И была тут еще одна причина, вроде бы неочевидная.

А именно: зачем собственно вся эта проверка?

Киру Александру Трималхиону нужен маг?

Ну, так чего проще: послать запрос в Имперскую палату, и оттуда пришлют подробную характеристику чародея: что он может, а чего не может.

Да, в конце концов, достаточно посмотреть в его послужной список, справиться на местах прежней *работы...*

Ведь магия – вещь сугубо научная и объективная.

А главное – неясно, что собственно он должен выяснить?

«*Всесторонняя проверка*»?!

И что он приобщит к досье? Информацию о дуре, которой Элмс якобы заделал ребенка в астрале?

Может, дать задний ход, пока не поздно?

Сразу перед внутренним взором сыщика возникли казенные печати на дверях конторы и унылое лицо судебного пристава, увозящего за долги мебель и новенький ординатор...

Кроме того, Трималхион – один из столпов сераписского общества, и разочаровать его будет чревато последствиями. Пусть даже он забудет об инциденте, но пройдет слухок: де слаб в коленях Кристофер Лайер, подвел такого человека...

Ну ладно, подождем доклада помощницы...

Натали еще раз оглядела себя в зеркале, не удержавшись от недовольной гримасы.

Из ясного венецианского стекла на нее смотрела худая тетка лет под тридцать, с лицом, изуродованным неумело наложенной косметикой.

Платье, вышедшее из моды пару лет назад, безвкусные туфли и дрянная азиатская бижутерия.

Типичная неудачница.

По доброй воле девушка никогда не надела бы ничего подобного. Но работа есть работа.

Вообще-то особой нужды в этом не было, но патрон настоял – в ее натуральном виде да с ее дорогими туалетами она будет выделяться как белая ворона, и *объект* может ее запомнить.

Еще раз вздохнув, Куркова накинула теплую шаль, взяла дешевенькую сумку из крашеной свиной кожи, мысленно сплюнула.

Вытащила из потайного ящичка семизарядную дамскую «Ламию», но помотала головой и сунула оружие обратно.

Захлопнув дверь, сбежала вниз с третьего этажа.

Через пять минут она уже спускалась на скрежещущем эскалаторе на станцию «Площадь Согласия» Восточно-Западной линии, под низкие своды, так и хранящие следы паровозного дыма.

Вагоны – старые, ремонтировавшиеся не раз, тоже, наверное, навсегда пропахли угольной копотью, хотя паровозы исчезли из сераписского метрополитена еще до рождения Натали. У города, как всегда, не хватало денег на самое необходимое. Вот на гигантскую конную статую из драгоценной бронзы к годовщине очередной морской битвы – это пожалуйста.

А на водопровод, дороги и библиотеки... С этим всегда проблемы.

Купив у девушки в голубой униформе свежий номер «Сераписского вестника», Куркова принялась просматривать его по дороге.

«Правительственные колебания по поводу „Закона о продаже вина“ высвечивают проблемы, с которыми Галлия может столкнуться при дальнейшем развитии торгового кризиса... Увеличение акцизов на табак и вино вынудит производителей поднять цены. Так, стоимость, например, фалернского может подскочить до 85 ауру за стандартную амфору...»

Проведен очередной тираж государственной „Галльской лотереи“. Чтобы не разжигать страсти в столице, местом ее проведения выбрали Массилию. Народ не заставил себя ждать. Устроители лотереи не успевали раскрывать новые пачки с билетами, и вот уже какая-то счастливица выиграла 50 тысяч! На следующий день очереди за билетами выросли десятикратно. Второй тур лотереи, зимой, решено провести уже в Лютеции. Бедная столица! Что-то будет?!

В зоопарк Сераписа привезли из Тера Аустрали двух коал. Зверя этого здесь до сих пор не было. В первый же день на коал пришли посмотреть около 70 тысяч человек! Очередь в зоопарк занимали в 5 утра, среди них был сам префект города.

Всю прошлую осень безответственные шарлатаны вели пропаганду нового заморского чудо-средства от импотенции – йохимбы. И невдомек страдающим мужчинам, что, дабы произвести нужное количество средства, пришлось бы ободрать кору со всех деревьев йохимба в Кондо...»

Одним словом, обычная муть, которую печатают в «Сераписском вестнике» изо дня в день.

Натали вышла на станции «Проспект Минервы».

Лампы горели через одну, стены и потолок все еще покрывали влажные разводы – месяц назад станцию затопило прорвавшимися грунтовыми водами. К счастью, ночью. Две недели потом откачивали.

Поднявшись на огромном лифте, она вышла на означенный проспект и пошла по маршруту, указанному в полученной от Криса афишке, к Храму Высшего Разума и Вселенской премудрости.

Идти до него было недалеко – ближайший переулок.

Храм этот, воздвигнутый на деньги вендийской общины города лет тридцать назад, производил странное впечатление.

Над его фасадом поднимался купол обычного друидического храма, по углам продолговатой пристройки лепились фигуры христианских святых. Львы, как будто сошедшие со стен храмов персидских зорастрийцев, дремали над капителями низких колонн.

Под полустертым барельефом извивался Великий Змей. Таинственные каменные лики, похожие на маски и в то же время на чьи-то портреты, темнели у входа. Рядом со статуей Будды плясал бог Кришна в обнимку с многогрудой Кали.

Казалось, в этом странном храме смешалось все.

Так, собственно, и было.

Его создатели хотели, чтобы в нем родилась новая религия, и надо отдать должное – не пожалели денег. Достаточно сказать, что расписывать его пригласили двух знаменитейших художников из самой Руси – Желудко и Рехера.

Площадь перед Храмом Вселенской премудрости была заставлена машинами, причем не самых дешевых марок – от изящных русских «Аргамаков» с керосиновыми двигателями до солидных, как фамильные склепы, паровых аллеманских «тоттенвольфов». Натали только пожалала плечами – богатые дураки были их постоянными клиентами.

Зал был почти полон, причем немало было людей в одежаниях от лучших модельеров.

С неудовольствием Куркова подумала, что могла бы и обойтись без маскировки: в этом обществе она бы не сильно выделялась даже в лучшем своем прикиде.

Зал быстро наполнялся, люди кое-где стояли вдоль стен и в проходах, а Элмс не спешил. Публика уже начала глухо выражать недоумение, когда наконец, как черт из табакерки, на кафедре появился человек в черном одеянии.

Грегуар Элмс собственной персоной.

Он был высок и крепок. Его удлиненной формы глаза на бледно-сером, каком-то нездоровом лице излучали спокойную силу, как бы притягивали к себе. Что-то такое в нем было, *этакое*.

Словно сами собой взорвались приветственные аплодисменты, и Натали не без удивления обнаружила, что и она бьет в ладоши вместе со всеми.

– Итак, мои друзья, – начал проповедник, когда хлопки и восклицания замолкли. – Я буду говорить о том, как вам изменить свою жизнь. Ведь раз вы пришли сюда, значит, вы хотите изменить свою жизнь, не так ли, друзья?

Окинул аудиторию ласково-пронзительным взглядом и улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами.

– Другие маги обещают своим клиентам удачу, деньги, здоровье, долгую жизнь и, наконец, любовь! Я ничего этого не обещаю...

Люди в зале недоуменно зашушукались.

– Но это все у вас будет – и добьетесь вы этого сами! Я лишь укажу вам *путь*.

Неопределенный жест рукой. (Натали заметила, что, несмотря на жару, стоявшую в аудитории, на Грегуаре были перчатки.)

– С чего я начну этот разговор? С одной простой истины. Как вы думаете, что самое страшное для ищущего истину?

Недлинная пауза, заставившая присутствующих сосредоточиться в поисках ответа.

– Не иметь Учителя! – веско молвил Элмс.

И все немедленно согласились, что так оно и есть.

– И жизнь Космоса, и жизнь Геба устроены по иерархическому принципу. «Как на Небе, так и на Гебе», – отмечается в одной из книг «Живой Этики». Однако привести в гармонию Небо и Геб можно лишь знанием Великих Космических законов. Иерархическая система в культуре, социальной жизни и других областях человеческой деятельности складывалась в течение многих веков. Принципы этой иерархии были различны, иногда в одной системе существовало несколько принципов. Иерархия возрастная, иерархия собственности, иерархия власти, иерархия знаний и, наконец, иерархия Учителей и Учеников.

Мы нередко считаем, что Великие Учителя находятся где-то далеко и их деятельность не касается ни нашей обычной жизни, ни наших судеб. Но мы заблуждаемся. Известно, что наша жизнь на всех ее уровнях подвержена действию Великих Законов Космоса, в том числе и Закона Учительства. В любой момент мы можем соприкоснуться с творчеством Великих Учителей...

...Натали встряхнула головой.

Реальность уже минут пять как заволочлась приятной дымкой, в которой звучал доброжелательный, хорошо поставленный голос оратора.

Скосив глаза, сыщица увидела рядом с собой упитанную даму в дорогом ниппонском платье, из выреза которого как сырое тесто вылезал расплывшийся бюст, и с ниткой алмазов на вялой шее. Та с открытым ртом внимала словам Элмса, и глаза ее только что не закатывались от восторга.

Блондинка украдкой взглянула на привешенный к браслету индикатор направленной магии – безумно дорогую игрушку. Но кристалл оставался мутно белым – к чародейству выступающий не прибегал, и «Эдикт о запрете магической рекламы» не нарушал.

Ладно, послушаем, что он еще скажет...

– Это была группа Учителей космического плана, – вещал маг, – выполнявшая эволюционную миссию на нашей планете в течение многих тысячелетий. С ними были связаны создатели религий, философских систем и духовных движений, которые прошли через историю человечества.

Как гласят книги древних вендийцев, прародитель теперешнего человечества Ману, спасая, подобно библейскому Ною «каждой твари по паре», прежде всего позаботился о мудрецах. Семь божественных мудрецов вошли на корабль, влекомый огромной рыбой по бурным волнам расхолодившейся стихии. Сакральное созвездие Саптариши, или Семь Мудрецов, по-нашему Большая Медведица, сверкало в небе и указывало путь кораблю. И было неясно, где низ, а где верх, где мудрецы, а где звезды. После того как сошла вода Великого потопа, семь могущественных мудрецов, познавших тайны природы и умеющих управлять ее силами, приняли самое активное участие в жизни богов и людей. От семи божественных мудрецов пошли все мудрецы Вендии и всего мира, вплоть до живущих ныне.

Великий Учитель – это сущность, связанная с Космосом и его Высшими иерархическими структурами. Он приносит на нашу планету не только знания, которые нужны ей в данный период эволюционного развития, но и необходимую ей энергетику. Ибо эволюция движется

изменением или, точнее, повышением этой энергетики. Великий Учитель ее упорядочивает, создавая энергетические основы для развития нового мышления, для дальнейшего расширения сознания, для совершенствования энергетической структуры самого человечества. Будда и Заратустра, Кун Фу-цзы, Платон и Светлана Равноапостольная, Моисей и Нагарджуна и им подобные появлялись на Гебе в переломные моменты его истории и духовной эволюции. Они создавали тот энергетический фон, при котором становился возможным переход на более высокий эволюционный виток.

Я утверждаю, что Великие Учителя есть... Я не собирался начать убеждать в их существовании. Множество людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них. Многие вещи, которые нам кажутся фантастическими выдумками и сказками, вне личного преломления, на самих местах происшествий освещаются особым светом правды. Величественные образы не проходят перед вашими глазами как призраки, но как великие существа от тела и крови, как действительные Учителя высшего знания и мощи.

Эти мудрые учителя, они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами и в то же время, как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь, и за океанами, и по всей Азии.

Мир – это сложнейшее синтетическое духовно-материальное явление со своей особой энергетикой. Любая энергия, в том числе и дух, находится в процессе постоянного энергоинформационного обмена в пределах Вселенной и Мироздания.

Информация, получаемая в результате энергообмена с одухотворенным Космосом, пройдя через коллективное сознание человечества, кристаллизовалась в магии и сокровенных знаниях.

И если мы начнем вращать этот космический кристалл, рассматривая внимательно его грани, то увидим, как переливаются в нем таинственными цветами наше прошлое, настоящее и будущее, как из глубин сверкающих сплетений возникают миры иных измерений, как реальность и сон образуют целостный магический узор. Эти миры, чудесным образом связанные между собой и проникающие друг в друга, являются также составной частью энергетической структуры мироздания и, как каждая подобная структура, участвуют в универсальном энергоинформационном обмене.

Впрочем, я отвлекся.

Элмс виновато развел руки.

– Во время своих путешествий в Гималаях я столкнулся с великим культом нагов, самым удивительным культом в истории человечества. В горных долинах и на перевалах стояли святилища нагов, а на их алтарях возвышались каменные и бронзовые фигуры таинственных мудрецов со змеиными капюшонами над головами... От небольшого городка Бхадрава храмы и святилища нагов тянулись к Великому Гималайскому хребту, пересекали его и уходили на восток, туда, где находились древние сапфировые шахты Падара. Веками там добывали синие и голубые сапфиры. Мифы и легенды украшали этими сапфирами короны королей нагов.

Их бронзовые и золотые маски хранились в древних храмах. Тем и другим приписывались великая мудрость, чудесные способности, знание тайн природы и всемогущество. Наги наставляли людей в искусстве и ремеслах, в знаниях и обрядах...

Натали с трудом взяла себя в руки – сладкое полузабытье вновь исподволь накатило откуда-то под равномерный голос Элмса. Должно быть, он виртуозно владел речью, раз сумел заставить слушать себя даже ее – которая в университете куда как более простые и понятные лекции не слушала.

«Убаюкиваешь? Ну, убаюкивай, кот-баюн!» Тогда Наталья начала вспоминать подробности своего последнего любовного свидания, происшедшего месяц назад в номере самой рос-

кошной гостиницы города. (Ну не просить же Кристофера, чтобы он позволил ей использовать для устройства личных дел контору агентства!)

Черт, а ведь и правда – месяц назад!

Выходит, у нее уже месяц не было мужчины? А дед Василий все попрекает молодое поколение развратным образом жизни.

Ладно, что там наш мудрец несет?

– Я утверждаю со всей определенностью! – теперь в голосе Элмса звучали непреклонные проповеднические нотки. – Дух – это всего лишь состояние материи, точно так же как материя – состояние духа. Великая иерархия духовно-магического порядка пронизывала все человеческое бытие. Лестница сходила с Божественного Неба на твердь Геба. Каждая личность и каждый народ имели необходимую силу и мудрость для того, чтобы возвыситься.

Но океан человеческой истории, как и сам Космос, имеет приливы и отливы, взлеты и падения, расцветы и умирания, свои циклы и сроки, свои использованные или упущенные возможности. Неверный выбор средств и путей приводит к потере предоставленной возможности, а следовательно, к искажению и деформации.

Для этого и нужно знание Великих Законов Космоса, умение четко определить причину и следствие, проникновение в суть энергетических закономерностей! Именно для этого и нужны Великие Учителя! Эта их способность нередко производит на нас впечатление чуда. Мы называем их пророками. «Но что такое пророчество?» – спрашивают Учителя. Знаете ли вы ответ?

Зал замер в тревожном ожидании.

– Так вот, – продолжил Элмс, – ответ на этот вопрос вы должны найти сами!

И наставительно потряс перстом указующим.

Натали, уже полностью контролируя себя, все никак не могла понять, как люди слушают эту заумную чушь, изрекаемую с важным видом?

Или потому как раз, что с *важным видом*?

– И наконец, перейду к главному.

Высшим миром для ученика, если последний следует Великому Космическому закону доверия, есть мир преданности и любви к Учителю. В бесконечной цепи духовного восхождения от земного ученичества до Космического Учительства действует один и тот же Великий Космический закон, связывающий ученика земного Учителя с Космическим Иерархом.

Только признательность к Учителю может открыть доступ к Вратам. Каждый, избравший свой собственный путь, должен познать одиночество своей орбиты, ибо только любовь и преданность к Иерархии включают дух в цепь Света. Так каждый решает свою карму. Только Светом мы приближаемся к Свету.

Должен сказать, что не существует предела передвижения вверх. Вспомните, что сказал один мудрец: «В конце каждой лестницы всегда есть место для следующей».

Бог – это не старик с бородой, который бродит по небу. Бог абсолютно другой, он недоступен пониманию людей, живущих здесь, внизу.

И еще необходимо осознать, что Учение Истины представляет собой духовное единство. Каждый камень этого огромного здания связан с другим, и нельзя извлечь какой-нибудь один из них, не разрушив всего целиком. Ни один из принципов Учения не мыслим без других, ни одна цель не достижима, если одновременно не осуществляются все остальные цели.

На этом позвольте закончить нашу первую лекцию, – оборвал изливания на полуслове Элмс. – Желаящие узнать больше могут прийти в следующий раз. Ну, а для самых нетерпеливых в фойе продаются мои книги. Там же вы можете приобрести чудодейственные талисманы и фотографии, собственноручно заряженные мною положительной энергетикой...

Пытаясь прогнать давящую головную боль, Натали вышла вон из зала, все еще не понимая, что собственно произошло и что такого в этом Элмсе все находят.

У лотков с библионами неподалеку от гардероба уже выстроилась длинная змея очереди. Девушка мельком взглянула на цены, и брови ее поползли вверх.

Однако нехилые же деньги должен зарабатывать чертов колдун на своей писанине и портретах!

Особенно умиляли изображения проповедника, стилизованные под христианские иконы. На них Элмс был представлен в белых сияющих ризах и с золотым нимбом над головой. Латинская надпись вокруг ореола гласила: «Ждем Первого Пришествия».

Ну-ну.

Спустившись в метро, сыщица уклонилась от раздатчика афишек разных увеселительных заведений и, плюхнувшись на обшарпанное сиденье вагона, задремала.

Открыв глаза, Натали обнаружила, что находится в заполненном народом фойе того самого Храма Высшей Мудрости, одетая в шелковую шафрановую мантию.

Окружающие с восхищением смотрели на нее, говоря что-то о любимой ученице Великого Пророка.

Однако мантия внезапно исчезла, и девушка осталась абсолютно голой.

Она безо всякой одежды стояла посреди огромного зала, заполненного людьми, почти-тельные выражения на лицах которых мгновенно сменили похотливые гримасы.

Сознание ее замутилось, она попробовала неловко прикрыться руками...

И проснулась.

– Следующая станция – «Площадь Согласия»! – прохрипел динамик, и старые пневмодвери с шипением захлопнулись.

Нет, определенно, этот учитель – злой колдун...

Глава пятая

МАГ ИЗ ДАЛЕКОЙ СТРАНЫ

– Ну, все, вроде приехали, – сообщил Крис, останавливая «кентавра» у красного шлагбаума. – Дальше – только пешком.

– Да уж, наконец-то добрались, – прокомментировала Натали, выходя. – Ползли как верхом на черепахе.

– Шнек плохо вертится, вот подача угля в топку и ни к черту.

– Не понимаю, зачем в Империи вообще на этих паровых страшилищах до сих пор ездят? Двигатель внутреннего сгорания уж лет двадцать как изобрели! На Руси разве что где-нибудь в тайге такие остались!

– А заправлять чем? – осадил ее сыщик. – Или прикажешь нефть у твоих сородичей покупать? Или у персов? А может, из Аунако возить? Не зря ж ваша Екатерина Третья с персами четыре года воевала!

Натали нахмурилась, и Лайер понял, что сморозил глупость, – на упомянутой им Нефтяной войне, которую две великие державы вели несколько лет на берегах Каспийского моря, погибли два ее дяди.

Молча они направились к ресторану, где предстояла встреча, от которой Крис особо много не ждал, но которой не мог пренебречь.

В Сераписе наличествовали рестораны, трагтории и харчевни (равно как кантины и кабаки) всех возможных видов. На три миллиона человек приходилось, как помнил Крис, около восьми тысяч мест, где можно было перекусить.

Разные рестораны посещают разные люди и по разным поводам.

И среди них почему-то самыми дорогими и самыми престижными оказались хинские.

Их посещали преимущественно представители элиты общества, они были местом встреч и обедов разных важных лиц.

Шли туда не столько для того, чтобы насладиться экзотической кухней, сколько для того, чтобы показать остальным согражданам, что подобное удовольствие им доступно.

Тут назначались деловые и любовные свидания, обсуждались и заключались сделки, а в последнее время даже вошло в моду праздновать свадьбы.

Крис туда не ходил – он вообще не любил рестораны. По многим причинам, среди которых не на последнем месте были проблемы с обонянием. Все эти остро пахнущие специи, соусы, подливки просто сводили его с ума. Запахи били по нервной системе, притупляли магическое восприятие.

Но в связи с профессиональными обязанностями ему доводилось бывать во многих роскошных заведениях – и не только в родном городе.

А вот теперь ему предстояло попасть в один из трех самых престижных и дорогих ресторанов Сераписа, называвшийся «Голодная пекинская утка».

И Крис с помощницей направил свои стопы в чжунгоский, или, как упорно говорила Натали, *китайский* квартал.

В последние сто лет, когда жизнь в Чжунго круто переменилась, такие кварталы как-то словно сами собой появились во всех мировых столицах и даже в более-менее крупных городах. В Лондинии, в Лютеции, в Мюнхене и Неаполе, и даже в самой Александрии.

Узенькие улочки, золотые и красные вывески, иероглифы...

И всюду драконы.

Драконы, дракончики и совсем уж маленькие дракошечки.

Во время посещения таких кварталов Крис всегда удивлялся – откуда тут столько хинцев и хинок? Вроде и немного их на улицах Сераписа, а вот как соберутся они, работавшие законно и незаконно, всей кучей в своем обиталище, так и начнешь понимать, прости Господи, ксенофобов.

И в самом деле, этих невысоких узкоглазых людей с каждым годом становится все больше – в конторах, гостиницах, на заводах и в порту. Грузчики, горничные, лекаря, учителя боевых искусств, торговцы и финансисты стекаются сюда, на эти кусочки далекого отечества, которого многие и в глаза не видели, а большая часть и не увидит. Машинам в такие кварталы не проехать, потому как здешние улочки слишком узки и они заполнены толпой, не боящейся попасть под колеса шестиосного большегрузного «эlefанта» или стремительного русского «Аргмака».

Крис без труда нашел «Голодную утку» и, пропустив вперед свою даму, вошел внутрь мимо портье в длинном халате.

Внутри оказалось все то же красное дерево и позолота.

Миловидная служительница, судя по лицу хинка лишь наполовину, не моргнув глазом при появлении странных гостей, провела их к столику на двоих, где оставила ждать прихода мага.

В ожидании появления клиента, сыщик начал перебирать четки, в то время как Натали принялась изучать поданное им меню, написанное на нескольких языках – государственной латыни, койне, галльском и все теми же иероглифами.

Ресторан был весьма и весьма дорогим.

За маленькую порцию супа вон тонг (неизвестно из чего приготовленного) просили десять ауро, за креветки по-сычуаньски – двадцать, а тушеная рыба с имбирем стоила полтинник (!). Ну а цены на сливовое вино, произведенное «по рецептам времен государя У-Суна», могли бы уложить в обморок любого скупердяя.

(Впрочем, если клиент желает, подадут и кипрское вино, и даже русскую водку.)

Острые запахи не то чтобы раздражали, но отвлекали.

Соседи тоже, хотя и не позволяли себе пялиться бесстыдно на европейскую девку и косматого демонагуа, зачем-то пожаловавших в приличное заведение, все же нет-нет да и посматривали в их сторону, качали головами и шушукались.

Потом сидевший за столиком напротив полный усач средних лет, пришедший сюда с такой же тучной дамой, щелкнув пальцами, подозвал официанта, что-то приказал, протягивая несколько крупных кредиток...

И минуты через три официант появился уже с блюдом в руках.

Донесшийся запах заставил Лайера печально опустить уголки рта.

Посетитель был не оригинален в своей, как ему казалось, остроумной шутке.

Пару лет назад так сделал проконсул Неаполя, которому частный детектив не угодил результатами проделанного расследования.

Назначил встречу в корейском ресторане и нарочно опоздал. И Крис, отчаянно нуждавшийся в деньгах, был поставлен перед необходимостью полтора часа сидеть и смотреть, как окружающие вкушают собачье мясо.

Толстяк смотрел в их сторону, не скрывая ухмылки. Потом наклонился к своей спутнице и демонстративно громким шепотом сказал:

– Ходят сюда всякие извращенцы! Приличным людям отдыхать мешают! И эта... постыдилась бы с таким...

Натали от грязного намека вспыхнула. Сыщик подозвал официанта.

– Милейший, у вас блюда из обезьян имеются?

– Триста ауро, – не моргнув глазом, сообщил хинец.

– Что ж так дорого?! – возмутилась Натали.

– Сто пятьдесят ауро стоит обезьянка в магазине Гагенбека, пятьдесят – наем такси и услуги курьера, все остальное – скромная награда вашим ничтожным слугам за усердие, – улыбнулся официант. – Заказываете?

– Нет, спасибо...

Хотя за ужин платил, как всегда, Чин, было бы несправедливо, чтобы он оплачивал еще и его, Криса, личную мелкую месть. Кроме того, бедное животное не виновато, что среди отдаленных родственников его сыскиваются всякие уроды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.